

ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И РЕГИОНОВЕДЕНИЯ

Политические изменения в
Латинской Америке:
история и современность

*Сборник статей, посвященных
памяти С.И. Семенова*

Воронеж
2006

ББК 66
УДК 323.2
П 50

Редакционная коллегия:
проф. д.и.н. А.А. Лютых
проф. д.п.н. А.А. Слинько (председатель)
к.и.н. М.В. Кирчанов

Editorial board:
Prof., PhD in History Anatolii A. Liutykh
Prof., PhD in Politics Aleksandr A. Slin'ko (editor-in-chief)
PhD in History Maksym W. Kyrzczaniw

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность. Сборник статей, посвященный памяти С.И. Семенова / под. ред. А.А. Слинько. – Воронеж: ФМО, 2005. – 50 с.

В сборнике опубликованы материалы Первых научных чтений памяти профессора С.И. Семенова, посвященные проблемам международных отношений, истории стран Латинской Америки. Статьи издаются в авторской редакции.

Materials of the First scientific session devoted to memory of the professor S.I. Semionov are published in this volume of articles. They are devoted to problems of international relations, history of Latin American countries. The articles are published in the author release.

© Авторы, 2006
© Кафедра международных отношений и регионоведения, 2006
© Воронежский государственный университет, 2006

СОДЕРЖАНИЕ.

У ИСТОКОВ	4
<i>А.А. Слинко</i> Латинская Америка: новые тенденции политического развития	5 – 6
<i>А.А. Лютых, В.А. Тонких</i> Международные отношения в Латинской Америке в начале XX века	6 – 11
<i>М.В. Курчанов</i> Модернизационные процессы в истории Бразилии в 1930 – 1945 гг.	11 – 20
<i>А.И. Кривошапкин</i> Философия ненасилия и теология освобождения	21 – 25
Бедность в Латинской Америке: социальный и антропологический Аспекты (по материалам рукописи Б.И. Коваля, подготовил В.И. Сальников)	25 – 28
<i>Д.М. Бородин</i> Основные этапы политической трансформации с современной Мексике	28 - 36
<i>Т.А. Воротникова</i> Актуальные проблемы этнокультурной идентичности в странах Латин- ской Америки	36 – 41
<i>О.В. Аверина</i> Женщина-президент Чили: миф или реальность	41 – 48
Сведения об авторах	49

У ИСТОКОВ

Сергей Иванович Семенов стоял у истоков формирования факультета международных отношений Воронежского государственного университета.

Он был одним из основателей советской латиноамериканистики, вместе с А.Ф. Шульговским и Б.И. Ковалем компетентно и адекватно отвечал на самые острые политико-идеологические вызовы того времени.

Революционный процесс Сергей Иванович изучал творчески, без догматических отклонений, характерных для обществоведения 1950-60-х годов. Будучи профессиональным международником, он посетил практически все страны Латинской Америки, где встречался со многими выдающимися деятелями разных политических направлений.

В качестве профессора он много времени проводил в студенческой аудитории, его лекции всегда были насыщены ярким фактическим материалом, он умел освещать сложные проблемы в самых неожиданных ракурсах. Работа Сергея Ивановича в Институте общественных наук при ЦК КПСС, в Институте Латинской Америки РАН всегда была живой и интенсивной, он традиционно был лидером гуманитарных исследований современных проблем Латинской Америки.

Последние годы жизни С.И. Семенов работал в качестве председателя Государственной Аттестационной Комиссии на отделении международных отношений исторического факультета Воронежского государственного университета. Он всегда был конструктивен в оценке дипломных работ выпускников, защищал их от излишней строгости рецензентов.

Главной основой научных и жизненных успехов для него всегда был научный поиск и свободный диалог.

А.А. Слинко
**ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА: НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

В середине 1990-х годов на фоне, казалось бы, безусловного торжества неолиберальных режимов, ориентирующихся на полное подчинение Западу во всех сферах, начали проявляться тенденции возрождения латиноамериканской левой. Данные тенденции бурно проявились в трех разнородных формах.

Во-первых, это резкий антиамериканский «боливариизм», который возглавил лидер Венесуэлы Уго Чавес. Эта тенденция нашла отражение в формировании блока трех стран: Кубы, Боливии и Венесуэлы с целью создания экономического союза, направленного против США.

Вторая форма левой – самая умеренная. Ее возглавили харизматические лидеры: президент Бразилии Лулу Инасио да Сильва, президент Аргентины Кирчнер и президент Чили Мишель Бачелет. Эти президенты, возглавляющие правосоциалистические партии и движения, признают роль Соединенных Штатов Америки как всемирного экономического центра, который поможет, в конечном счете, сделать конкурентоспособными национальные экономики. При этом данные режимы возлагают на США часть ответственности за репрессии правоавторитарных диктатур прошлого. Развал коммунистического движения сильно укрепил правую социал-демократию, которая стала практически основной тенденцией в левом спектре. Без проблем и серьезной конкуренции социал-демократы пришли к власти в Уругвае (в лице «Широкого фронта») и в Перу, где некогда непопулярный президент Алан Гарсия вернулся к власти на волне возрождения веры широких масс населения в умеренную левую традицию, основанную на крепкой партийной организации и довольно разработанной политической идеологии.

Третья форма латиноамериканской левизны – радикальная партизанская левая, которая продолжила свои действия в Колумбии. Третью часть этой страны остается под контролем партизан. Продолжали тлеть Сапатистское движение в Мексике и очаги ультралевого сопротивления в Перу. Однако самое характерное в этой форме левой – эпическое противостояние партизан и правительства в Колумбии. Колумбия оказалась главным партнером США в Латинской Америке. Харизматический антипартизанский президент А. Урибе впервые в современной истории страны был переизбран на второй срок. Другими словами, наметилась резкая поляризация на две тенденции: ультралевую и правоцентризм, причем обе стороны представлены институализированными структурами гражданской войны.

Правую и правоцентристскую тенденции в последние годы представляет Мексика, которая была и остается в авангарде межамериканской интеграции. Стратегия Соединенных Штатов сделала Мексику главным, а в некотором смысле и единственным союзником Америки. Борьба с тер-

роризмом в сочетании с режимом экономии в условиях экономической стагнации вынудили североамериканскую элиту «экономить» на других латиноамериканских партнерах. Мексика получила наибольшие экономические выгоды, при этом США не решились принять жесткие иммиграционные законы, опасаясь потерять ключевого, если не главного союзника в Латинской Америке.

Кризис в отношениях с остальной Латинской Америкой вынудил противников США искать торговых партнеров в других регионах. Наметилось серьезное улучшение торгово-экономических отношений Венесуэлы и Бразилии с Россией, Европейским Союзом, странами азиатско-тихоокеанского региона. О безраздельном господстве американских монополий и панамериканской идеологии в Латинской Америке не может быть и речи. Латинская Америка ищет и находит свой путь.

А.А.Лютых, В.А. Тонких
**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В начале XX в. Латинская Америка все интенсивнее вовлекались в сферу международных отношений великих держав, в первую очередь США. В своей экспансии в страны Латинской Америки американское руководство использовало доктрину Монро (1823 г.), которая рассматривала американский континент как вотчину США. Доктрина предполагала защиту региона Центральной Америки и Карибского бассейна от любых попыток вмешательства европейских государств. К концу XIX в. доктрина Монро стала использоваться как монопольное право США выражать интересы латиноамериканских государств в международных отношениях, одновременно осуществляя экспансию в этих государствах.

Еще в 1889-1890 гг. США созвали первую межамериканскую конференцию, принявшую решение об учреждении Международного союза американских республик, который ставил задачей взаимный обмен экономической информацией. При Союзе складывалось постоянное коммерческое бюро, которое в 1910 г. было переименовано в Панамериканский союз. Такое сотрудничество США со своими американскими партнерами давало им неограниченные возможности вмешательства в их внутренние дела, в экономику и другие сферы.

Начало XX в. совпало с широким притоком в страны Латинской Америки иностранного капитала в виде займов, концессий и др. В странах региона началось железнодорожное строительство, развивались добывающая промышленность, сельское хозяйство, торговля, финансовая система. В этих отраслях прочно утвердились зарубежные компании, в первую очередь Германии, Франции, Британии, США. В 1914 г. зарубежные капиталовложения в страны Латинской Америки достигли 9 млрд.

долл., из которых 5 млрд. приходилось на британские инвестиции¹. Данное положение усиливало зависимость латиноамериканских государств от западных держав, ослабляло их суверенитет, ухудшало положение трудящихся масс.

В начале XX в. четко обозначилась тенденция усиления влияния США в регионе. Одним из направлений экспансии США в Латинской Америке стала борьба за Панаму, где развертывалось строительство канала, соединявшего Атлантический и Тихий океаны. США разработали соглашение с правительством Колумбии, которой принадлежала территория Панамы. По соглашению США получали право контроля в зоне строительства канала. Однако сенат Колумбии не принял документ. США, использовав национальное движение в Панаме, добились провозглашения ее независимой республикой. Панама получила независимость 4 ноября 1903 г. 18 ноября 1903 г. в Вашингтоне был подписан договор между правительствами Панамы и США, который предоставлял США необходимые права в зоне Панамского канала, а фактически означал установление протектората США над Панамой. США навечно приобрели у Панамы зону будущего канала шириной в 16 км от Тихого до Атлантического океана, которая разделила территорию государства на две части. США получили право на строительство канала, других сооружений в данной зоне, их эксплуатацию, размещение своих вооруженных сил и военных баз. Строительство Панамского канала велось быстрыми темпами – в августе 1914 г. по каналу прошли первые суда.

В конце 1902 - начале 1903 г. США участвовали в «венесуэльском конфликте». Англия и Германия намеревались востребовать с правительства Венесуэлы его финансовую задолженность, размеры которой оказались сильно преувеличены. США навязали сторонам-участницам конфликта свое решение и еще раз продемонстрировали европейским державам свое право вершить дела в западном полушарии. В 1904 г. президент США Т. Рузвельт сделал заявление о том, что США берут на себя выполнение полицейских функций в Латинской Америке. По сути это заявление стало началом реализации политики «большой дубинки», к которой неоднократно прибегали американские политики в решении спорных международных проблем. Пришедший в Белый дом вслед за Т. Рузвельтом президент У. Тафт (1909-1913) стал применять политический курс, названный «дипломатией доллара», сочетавшегося с «дипломатией канонерок». Этот курс кнута и пряника был призван защитить финансово-экономические интересы американских монополий в странах Латинской Америки всеми возможными средствами, вплоть до использования вооруженной интервенции.

В начале XX в. страны Латинской Америки оказались в зависимости от иностранного, прежде всего американского, капитала. Сами латино-

---

¹ См.: Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке: Пособие для вузов. – М., 2002. С. 18.

американские государства в этих условиях отставали в экономическом развитии, сохраняя феодальные и дофеодальные пережитки. Низкой была политическая активность латиноамериканской буржуазии.

К числу наиболее значительных политических событий начала XX в. в Латинской Америке можно отнести революцию в Мексике. С 1876 г. в стране установилась военная диктатура генерала Порфирио Диаса, продолжавшаяся треть века. Это был один из самых тяжелых периодов в мексиканской истории. Правительство Мексики стало на путь широкого привлечения американского капитала, обеспечивало льготы иностранным капиталистам в приобретении земли, получении прибыли.

К началу XX в. в Мексике сложилась острая социально-политическая обстановка, вызванная тяжелым экономическим кризисом. Широилось массовое крестьянское движение, выдвинувшее талантливых народных лидеров Эмилиано Сапата, Франсиско Вилья и др. Крестьянство поддерживали рабочие промышленных предприятий, требовавшие улучшения условий жизни и труда. В Мексике появилась политическая оппозиция режиму Диаса, которую возглавил крупный мексиканский предприниматель Франсиско Мадеро.

Накануне президентских выборов 1910 г. оппозиция усилила свою активность, выдвигая требования демократических свобод, реформы народного образования, проведения чистки государственного аппарата, армии, повышения уровня жизни трудящихся. Однако призывы оппозиции остались без внимания. На президентских выборах абсолютную победу одержала кандидатура Диаса. Мирное решение вопроса о власти не состоялось.

Оппозиция под руководством Мадеро продолжила борьбу. Бежавший в США в октябре 1910 г. Мадеро опубликовал план действий, в котором признавались недействительными результаты президентских выборов, были обещаны демократические свободы, содержался призыв к всеобщему восстанию. Мадеро брал на себя обязанности временного президента Мексики. В ответ на призыв 20 ноября 1910 г. началось народное восстание, ставшее началом революции. В феврале 1911 г. Мадеро, вернувшись в Мексику, возглавил революцию. Повстанцы одержали ряд побед над правительственными войсками. В конце мая 1911 г. Диас бежал из страны. 7 июня повстанцы вступили в Мехико. Завершился первый этап революции, ставивший задачей свержение диктатуры Диаса (ноябрь 1910 – май 1911 г.), когда все революционные силы выступили единым фронтом, руководимые либерально-демократическими лидерами.

На выборах 2 октября 1911 г. Мадеро был избран президентом Мексики, а 6 ноября сформировал новое правительство страны. Были восстановлены демократические свободы, конституционные права граждан. Однако проводимые им преобразования носили ограниченный характер, в рамках либерально-буржуазного понимания реформ. Крестьяне требовали землю. Народный лидер Э. Сапата выдвинул требования возвращения крестьянам незаконно захваченных земель, конфискации части зе-

мель крупных латифундистов при умеренной компенсации, а в случае сопротивления с их стороны - безвозмездно. Был создан общенациональный революционный центр - «Дом рабочих мира». В этих условиях президент Мадеро проявлял нерешительность, боялся размаха революции и участия в ней народных масс и в то же время не принимал мер против нарастающей революции и ее лидеров. В политические события в Мексике вмешались США. Их ставленник генерал В. Уэрта 18 февраля 1913 г. арестовал президента Мадеро, который был убит через пять дней. По сути в Мексике произошел государственный переворот, осуществленный при поддержке США. Уэрта стал диктатором, сходным со свергнутым Диасом. Тем самым завершился второй этап революции (май 1911 – февраль 1913 г.), в течение которого у власти находились либеральные демократы, произошло размежевание революционных сил, что способствовало восстановлению в стране контрреволюционной диктатуры (февраль 1913 – июль 1914 г.).

Народные массы, однако, не смирились с установлением незаконной власти. Борьбу против диктатора возглавил В. Карранса. Гражданская война в Мексике осложнялась начавшейся интервенцией США, которые в апреле 1914 г. высадили войска в Веракрусе, что вызвало взрыв негодования в мексиканском обществе. В гражданской войне победу одержал В. Карранса – сторонник Мадеро, крупный землевладелец, губернатор северного штата Коауила. Он отказался признать власть Уэрты, начав вооруженную борьбу против диктатуры.

В стране развернулось широкое народное сопротивление военному режиму, которое возглавили Франсиско Вилья и Эмилиано Сапата. Народные армии к весне 1914 г. овладели значительной частью территории, боевые действия приближались к Мехико. Положение Уэрты осложнилось еще и ухудшением отношений с США, новое руководство которых в лице президента В. Вильсона (1913-1921) отказалось признать режим Уэрты, который все более сближался с Англией, отстаивая интересы британских компаний. 15 июля 1914 г. Уэрта отказался от власти и эмигрировал в США, где в 1915 г. был убит мексиканскими революционерами. Завершился третий этап мексиканской революции (февраль 1913 – июль 1914 г.) победой патриотических сил страны.

15 августа 1914 г. народно-патриотические силы заняли столицу страны. Одним из первых требований победителей было требование вывода американских войск с территории Мексики. В ноябре 1914 г. под давлением общественности США убрали свои войска из Веракруса. Функции главы правительства с чрезвычайными полномочиями взял на себя В. Карранса, реформировавший старую армию.

Гражданское противостояние в Мексике на этом не завершилось. Карранса продолжал проводить политическую линию Мадеро. Народное движение, возглавленное крестьянскими вождями Вилья и Сапато, разрасталось. Гражданская война возобновилась с новой силой. В упорных боях Карранса одержал победу над повстанцами и объявил о проведении

ряда реформ, повторявших в главных позициях предвыборную программу Мадеро.

Лидеры крестьянской армии продолжали войну. Спровоцированный действиями американских граждан, Вилья атаковал американский город Колумбус. США 15 марта 1916 г. вторглись на территорию Мексики, используя повод для оказания давления на мексиканское правительство. Карранса, предвидя последствия агрессии, потребовал вывода американских войск. В этом требовании он опирался на активную поддержку всех слоев мексиканского общества. США вновь были вынуждены в феврале 1917 г. вывести свои войска из Мексики.

22 октября 1916 г. правительство В. Каррансы провело выборы в Конституционный конгресс. Итогом его деятельности стало принятие 5 февраля 1917 г. новой конституции страны, которая отражала в своем содержании политические результаты революции. В Мексике был установлен либерально-демократический строй, создававший предпосылки для проведения аграрной реформы, национализации собственности иностранных компаний, упрочения государственного суверенитета страны. Конституция предусматривала проведение аграрной реформы, наделение крестьян землей. Земля и ее недра объявлялись общенародным достоянием. Конституция провозглашала 8-часовой рабочий день, минимум заработной платы, право рабочих на ежегодный оплачиваемый отпуск, социальное страхование. Признавалось право на создание профсоюзов и забастовки. Принятие Конституции завершило четвертый этап революции (июль 1914 – февраль 1917 г.), основное содержание которого составила гражданская война.

Мексиканская революция, таким образом, способствовала консолидации мексиканского общества, укрепила политический режим, выдвинула страну в число передовых стран в Латинской Америке. Революция оказала значительное влияние на страны региона, показала пример борьбы за народные интересы, против реакционной военной диктатуры и иностранной интервенции. Для государств Латинской Америки эти задачи и способы их решения были весьма актуальными. В то же время Мексиканская революция показала остроту социально-экономических и политических противоречий в мексиканском обществе, размежевание политических сил, способность народа к самостоятельному разрешению назревших общественных задач.

История Латинской Америки начала XX в. связана с началом борьбы за передел мира. Как отмечалось в разделе I настоящего пособия, в 1898 г. США начали войну с Испанией за Кубу. Американцы действовали под предлогом защиты кубинского народа от испанских колонизаторов. Под этими лозунгами кубинцы освободились от испанского владычества, но попали в зависимость от США. Кубинская республика, созданная в 1902 г., была опутана кабальными соглашениями со своим северным соседом. С 1914 г., когда началась Первая мировая война, позиции Соединенных

Штатов в Латинской Америке еще более усилились, что объяснялось участием ведущих европейских держав в военных действиях.

История международных отношений в Латинской Америке в начале XX в. протекала под знаком усиления соперничества в этом регионе между США и Англией. Накануне Первой мировой войны США еще отставали от Англии в степени экономического проникновения в страны Латинской Америки, однако быстро сокращали это отставание. Экономическое соперничество в Латинской Америке обостряло политические отношения США с европейскими державами. От этого соперничества в первую очередь страдали народы латиноамериканских государств, оказавшиеся в заложниках политики великих держав.

М.В. Курчанов

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ИСТОРИИ БРАЗИЛИИ В 1930 – 1945 ГОДАХ

История XX столетия может быть интерпретирована в категориях модернизации, в то время как более ранние периоды отмечены формированиями современных наций. Этот процесс имел всеобщий характер, хотя модернизационные процессы варьировались, зависели от региональных особенностей и имели немало общего при наличии значительного количества национальных уникальных черт. В российской историографии утвердилась точка зрения, согласно которой модернизационные процессы, как правило, связаны с отказом от старых экономических и политических институтов, представляя собой процесс приспособления экономических отношений к существующим, значительно изменившимся, политическим реалиям.

Западная историография от экономически детерминированного подхода далека и в исследованиях зарубежных историков проблемы модернизации связываются с политической и культурной динамикой, в первую очередь – с изменениями идентичности. В англоязычной литературе термин «identity» применяется для анализа достаточно широкого круга феноменов и явлений, не связываясь исключительно с проблемами этнической или национальной принадлежности. В трудах американских историков понятие «identity» в латиноамериканской перспективе прочитывается и осознается в тесной связи с историей не только национализма, но и в контексте истории модернизации. Сама модернизация понимается не как формирование конкретных ответов на вызовы современности – она интерпретируется в контексте таких явлений как «идентичность», «лояльность», «государство», «интеллектуальное сообщество». В российских латиноамериканских исследованиях этот аспект остается, к сожалению, слабо изученным сюжетом.

Поэтому, автор этой статьи предпримет попытку проанализировать модернизацию именно в контексте вышеупомянутых категорий. Более

того, процесс модернизации будет анализироваться в рамках режима, который в российской латиноамериканистике изучался, но само его существование с проблемами модернизации никогда не связывалось. Речь идет о проекте построения «нового государства» в рамках режима Жетулио Варгаса¹ в Бразилии, оценки которого в советской и российской историографии варьировались от реакционного и фашистского до недемократического и авторитарного. Отечественные историки при изучении этого режима проявили консерватизм: если в начале 1960-х годов он понимался как «реакционная диктатура буржуазии и помещиков»², то в конце 1990-х – как «диктатура националистически настроенных кругов буржуазии, сохранивших связь с помещичьими группами»³.

Варгас – знаковая фигура в бразильской истории, изучением режима которого были вынуждены заниматься и советские историки, временно забыв о его недемократическом характере и своих антипатиях в адрес бразильского политика, признав наличие прогрессивных элементов в его политике, что, по их мнению, выразилось в стремлении Варгаса ослабить в Бразилии позиции «американского империализма»⁴. Бразильская историография правления Жетулио Варгаса очень значительна. Его изучение началось практически сразу после свержения. Оно продолжалось на протяжении всей второй половины XX века⁵. Фигура Варгаса привлекает внимание и современных бразильских интеллектуалов. Мнения историков полярно различны – от объявления его авторитарным до идеализации. Точки зрения американских историков так же полярно противоположны⁶. Даже новейшая историография дискутирует о природе режима, хотя значительная часть авторов склонна оценивать режим как «корпоративист-

¹ О Жетулио Варгасе и его правлении существует обширная историография. См.: Loewenstein K. Brazil under Vargas / K. Loewenstein. – NY., 1942; Dulles J.W. Vargas of Brazil / J.W. Dulles. – Austin, 1967; Henriques A. Vargas, o Maquiavélico / A. Henriques. – São Paulo, 1961. См. мемуары дочери Жетулио Варгаса – Алсиры Варгас. Vargas A. Getulio Vargas, meu Pai / A. Vargas. – Rio de Janeiro, 1960. См. так же: Queiroz J. Memórias sobre Getulio / J. Queiroz. – Rio de Janeiro, 1957.

² Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959 / А.Н. Глинкин. – М., 1961. – С. 14.

³ История Латинской Америки. 1918 – 1945 / ред. Н.П. Калмыков. – М., 1999. – С. 159.

⁴ Различные аспекты политического режима Жетулио Варгаса проанализирована в ряде исследований. См.: Антонов Ю.А. Бразилия: армия и политика / Ю.А. Антонов. – М., 1973; Коваль Б.И. История бразильского пролетариата / Б.И. Коваль. – М., 1968; Хенкин С.М. Мелкобуржуазная демократия в Бразилии. 20 – 30-е годы XX века / С.М. Хенкин. – М., 1985; Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке / А.Ф. Шульговский. – М., 1979.

⁵ Borges V.P. Getulio Vargas e a oligarquia paulista / V.P. Borges. – São Paulo, 1979; Brandi P. Vargas: da vida para a história / P. Brandi. – Rio de Janeiro, 1983; Levine R. O regime de Vargas / R. Levine. – Rio de Janeiro, 1980.

⁶ Режим Варгаса в ряде исследований оценивается как фашистский или режим фашистского типа. См.: Szulc T. The Twilight of Tyrants / T. Szulc. – NY., 1959; Skidmore T. Politics in Brasil, 1930 – 1960 / T. Skidmore. – NY., 1967.

скую диктатуру»⁷. Автор статьи не ставит под сомнение сам факт того, что режим не соответствовал нормам демократии⁸, но, с другой стороны, такой авторитарный вариант модернизации так же нуждается в изучении и осмыслении.

Жетулио Варгас приходит к власти в Бразилии в ноябре 1930 года. До этого он принимал участие в президентских выборах, где уступил Жулиу Престесу. Но оппозиция, которая стала группироваться вокруг Варгаса, не приняла таких результатов и осенью 1930 года Престес уступил и вынужденно передал власть Варгасу. Примечательно, что еще на выборы 1930 года Варгас шел с лозунгами необходимости проведения широкой модернизации страны⁹. В 1930 году, во время избирательной компании, Варгас говорил о необходимости «примирения всех бразильцев», за проведение такой политики, которая гарантировала и обеспечивала бы «прямое и действенное участие народа в выборе своих депутатов». Кроме этого декларировались и принципы, на основе которых следовало развиваться Бразилии – «уважение конституционных свобод и законов, экономическое и финансовое укрепление страны, улучшение деятельности государственного аппарата»¹⁰.

Политика модернизации Бразилии в период правления Варгаса отличалась значительными особенностями. Ее инициатором оказался правящий режим, а часть интеллектуалов, которые были лояльны, декларировала модернизацию как продолжение и развитие консервативных традиций. Поэтому уже сам приход к власти Варгаса понимался как «консервативное движение, поддержанное всеми патриотическими и консервативными элементами»¹¹. Кроме этого, в период правления Варгаса в Бразилии усиленно формировался положительный образ проводимой им политики¹². В период правления Варгаса культивировался официальный нарратив о том, что Бразилия должна развиваться, основываясь на началах классового мира и солидарности, полного отказа от классовой борьбы. Сам Варгас утверждал, что его идеалом является такое общество,

⁷ Davilla J. Under the Long Shadow of Getúlio Vargas: A Research Chronicle / J. Davilla // EIAL. – 2001. – Vol. 12. – No 1.

⁸ Авторитарный характер режима Ж. Варгаса достаточно хорошо исследован. См. например, о чистках университетов от нелояльных интеллектуалов как проявление репрессивной политики – Ribeiro J. História do Brasil / J. Ribeiro. – São Paulo, 1957. О преследовании левой оппозиции см.: Глинкин А.Н. Новейшая история Бразилии. 1939 – 1959. – С. 14 – 18.

⁹ О событиях 1930 года и их оценке в историографии см.: Fausto B. Revolução de 1930. Historiografia e História / B. Fausto. – São Paulo, 1970.

¹⁰ Silva H. 1930 – A Revolução Traída / H. Silva. – Rio de Janeiro, 1966. – P. 62.

¹¹ Silva H. 1930 – A Revolução Traída. – P. 330.

¹² Официальный дискурс восприятия и позиционирования режима Ж. Варгаса представлен в многочисленных публикациях. См.: Alcides Marinho Rego. A vitória do direito operário no governo Getúlio Vargas / A. Marinho Rego. – Rio de Janeiro, 1942; Costa C. As realizações de governo Getúlio Vargas no campo do direito / C. Costa. – Rio de Janeiro, 1942.

где отсутствовало бы деление на богатых и бедных. По словам Варгаса в будущем бразильское общество будет представлять собой «народ, объединенный взаимопониманием и стремлением к общему благу»¹³.

Таким образом, в рамках модернизационной политики, проводимой Варгасом, усиленно культивировался официальный дискурс идентичности, которая проявлялась в лояльности режиму. К этой лояльности, мирным отношениям между социальными классами призывал и сам Варгас, пропагандировавший нарратив о том, что новый режим предусматривает и новую лояльность и новую идентичность. Режим начал широко использовать социальную риторику, которая прочно вошла в его идеологический инструментарий¹⁴. Варгас популяризировал идею о том, что новый режим является более современным, чем те, что существовали ранее, так как он не представляет интересы исключительно армии или буржуазии, а призван стать выразителем чаяний всех бразильцев: «по существу и по форме революция избежала служения исключительно определенным классам. Ни гражданские элементы не победили военных, ни эти последние не поставили первых перед свершившимся фактом... все социальные категории, сверху и снизу, без различия возраста и пола, причастились единой мыслью – создание нового отечества»¹⁵.

Поэтому, мы можем констатировать и то, что модернизация в том варианте, в котором ее предлагал Варгас, была направлена на демонтаж устойчивых социальных, в том числе и наиболее консервативных – гендерных, идентичностей и их вытеснение национальной идентичностью бразильской нации¹⁶. На значительный националистический импульс своей политики указывал и сам Варгас, указывавший на то, что «революция была националистической, одна из ее главных целей состояла в стимулировании национального производства и в развитии национальных ресурсов»¹⁷. Такая мотивация у рядовых бразильцев обеспечивалась стимулированием их лояльности режиму и репрессиями против несогласных с политикой Варгаса. По мнению бразильской исследовательницы А. де Кастро Гомес, усилиями официальных газет формировался особый тип лояльного бразильца, готового поддерживать мероприятия властей, игнорируя инициативы оппозиции¹⁸. В таком контексте модернизация протекала как, с одной стороны, культивирование национальной политической бразильской идентичности, а, с другой, как и отказ от некоторых экономических институтов в пользу новой, более современной, экономики.

¹³ Vargas G. Brasil en Armas / G. Vargas. – Buenos Aires, 1944. – P. 100.

¹⁴ См.: Silva H. 1934 – O Constituinte / H. Silva. – Rio de Janeiro, 1969.

¹⁵ Silva H. 1930 – A Revolução Traída. – P. 413.

¹⁶ О Бразилии до провозглашения «нового государства» см.: Carone A. A Segunda República, 1930 – 1937 / A. Carone. – São Paulo, 1973.

¹⁷ The New York Herald Tribune. – 1931. – February 11.

¹⁸ Castro Gomes A. Construção de Homem Novo // Estado Novo: Ideologia e Poder. – Rio de Janeiro, 1982. – P. 151 – 166.

Модернизационный характер политики Ж. Варгаса проявился и в попытках развития рабочего законодательства, которое было призвано придать отношениям в сфере труда более современный и справедливый характер. Некоторые мероприятия правительства в этой сфере были направлены на ломку сложившихся отношений и их замену современными. На протяжении 1932 – 1936 годов в Бразилии вводятся в действие новые законы, призванные улучшить положение рабочих. Например, в 1932 году был запрещен труд детей младше 14 лет¹⁹, были введены штрафы для работодателей за нарушение трудового законодательства²⁰. Таким образом, политика модернизации, проводимая Варгасом, была и социальной модернизацией. Правда, в ряде случаев ее эффект был незначителен. Тем не менее, решимость, с которой режим Варгаса, пытался демонтировать традиционные экономические институты еще раз подчеркивает, что он имел не только авторитарный, но и модернизационный характер.

Кроме этого, политика модернизации в целом носила умеренный характер, и, поэтому, Варгас был вынужден реагировать на политические вызовы, которые исходили от политических оппонентов, который были сторонниками крайних идей – правых или левых. Правый дискурс оппозиции был представлен Плиниу Салгаду – лидер интегрализма, бразильского варианта фашизма²¹. Левый оппозиционный дискурс был представлен коммунистами. В 1935 году Варгас пытается разоружить отряды интегралистов, что ему не совсем удается. С другой стороны, это свидетельствует о том, что режим на законодательном уровне пытался обезопасить себя от угрозы справа. Примечательно то, что правая оппозиция была в значительной степени маргинальной и не имела шансов реально захватить власть. Тем не менее, уже к 1950-м годам в бразильской интеллектуальной традиции сформировался антиваргосовский правый нарратив, который усиленно культивировался, например, Олбиано де Мело, писавшим, что «в будущем историки расценят предоставление избирательных прав всем, кто может читать и писать, как тяжелый удар, нанесенный Варгасом, интересам нации»²².

С другой стороны, левые группировки, связанные с иностранным коммунизмом, были более активны, представляя более реальную угрозу режиму²³. Поэтому, в официальной риторике режима значительное место

¹⁹ Bezerra de Freitas. *Legislação do Trabalho e Previdência Social* / Bezerra de Freitas. – Rio de Janeiro, 1938. – P.23.

²⁰ *Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio*. – 1937. – No 35. – P. 36.

²¹ О крайне правой альтернативе модернизации, проводимой Ж. Варгасом см.: Lima Motta P., Mello Barboza J. *El nazismo eb el Brasil* / P. Lima Motta, J. Mello Barboza. – Buenos Aires, 1938.

²² Olbiano de Melo A. *A marcha da revolução social no Brasil, 1925 – 1954* / A. Olbiano de Melo. – Rio de Janeiro, 1957. – P. 144.

²³ О коммунистическом движении в истории Бразилии в период правления Ж. Варгаса и об отношении коммунистов к политике режима см.: Alexander R. *Communism in Latin America* / R. Alexander. – New Brunswick, 1957; Chilcote R.H. *The Brazilian Communist Party. Conflict and Integration, 1922 – 1972* / R.H. Chilcote. – NY., 1974; Dulles

принадлежало культивированию нарратива о том, что «Бразилия стала объектом нападения мирового коммунизма»²⁴. Подобная точка зрения имела право на существование, так как в 1935 году Коммунистическая партия пыталась совершить государственный переворот и захватить власть. Попытка мятежа была подавлена, что, с одной стороны, позволило левым интеллектуалам культивировать нарратив об утопленной в крови «пролетарской революции»²⁵, а, с другой, дало возможность Варгасу еще несколько лет проводить политику модернизации сверху.

Новый этап в истории модернизации Бразилии, проводимой Ж. Варгасом, наступает в 1937 году, когда он распустил Конгресс и подписал новую Конституцию²⁶, которая наделяла его, как президента, более широкими полномочиями. Бразилия же официально была объявлена «новым государством»²⁷, а в 1940 году страна стала позиционироваться как «новый тип демократии – дисциплинированная демократия»²⁸. В российской историографии преобладает мнение, унаследованное от советской исследовательской традиции, о том, что «новое государство» было недемократическим режимом, который проводил политику направленную на поддержание буржуазии при игнорировании интересов широких масс населения в условиях копирования политических норм, характерных для фашистской Италии²⁹. В бразильской историографии диапазон мнений о «новом государстве» более широк, варьируясь от интерпретаций в категориях авторитарного режима до попыток анализа его как попыток институционализации идей мессианизма³⁰.

В Бразилии после 1937 года демократические политические институты, действительно, были демонтированы или ослаблены, а сами власти апеллировали к народу, видя в нем источник своей власти. Поэтому в Конституции 1937 года ее авторы ссылались на «законные устремления бразильского народа к политическому и социальному миру»³¹. В целом «новое государство» отвечало тем идейным настроениям, которые господствовали в в реде бразильских интеллектуалов, значительная часть которых опасалась, что возвращение к демократии чревато кризисом,

---

J.W. Brazilian Communism, 1935 – 1945. Repressions during worlds upheaval / J.W. Dulles. – Austin, 1983.

²⁴ Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio. – 1939. – No 64. – P. 209.

²⁵ Bastos A. Prestes e a revolução social / A. Bastos. – Rio de Janeiro, 1946. – P. 341.

²⁶ Constitution des Etats Unis de Brésil. Promulgué le 10 novembre de 1937. – Genève, 1938.

²⁷ О проекте «нового государства» и попытках его реализации см.: Chacon V. Estado e povo no Brasil: as experiencias do Estado Nôvo e da democracia populista. 1937 – 1964 / V. Chacon. – Rio de Janeiro, 1977.

²⁸ Одним из теоретиков этой доктрины был министр юстиции Франсиско Кампос, автор книги «Национальное государство» (1940). См.: Campos F. O Estado Nacional / F. Campos. – Rio de Janeiro, 1940.

²⁹ История Латинской Америки. 1918 – 1945. – С. 158 – 160.

³⁰ Girardet R. Mitos e Mitologias Políticas / R. Girardet. – São Paulo, 1987. – P. 63.

³¹ International Conciliation: Documents for the Year 1939. – Washington, 1939. – P. 30.

ростом внутренней нестабильности³². С другой стороны, им импонировало то, что значительная часть экономических ресурсов была направлена в сферу модернизационных процессов. Модернизации подверглась не только экономическая, но и политическая сфера. Режим Варгаса поставил задачу консолидации общества, в которой он видел неотъемлемое условие успешной модернизации. Именно с политикой Ж. Варгаса следует связывать значительное усиление национализма и националистических идей в политической жизни Бразилии, хотя роль самого Варгаса в этом стала очевидна уже в пост-варгасовский период³³. Поэтому, в 1990-е годы бразильскими интеллектуалами был признан факт значительного позитивного влияния «нового государства» на внутривнутриполитическое положение в стране, что проявилось в попытках побороть существовавшие социальные различия и консолидировать нацию³⁴.

Значительный модернизационный импульс закладывался в самой Конституции 1937 года. Например, Статья 144 Конституции предусматривала возможность более активного вмешательства государства в развитие экономики, декларируя необходимость «постепенной национализации шахт, рудников, водопадов, рудных запасов и других источников энергии, равно как и отраслей производства, являющихся основой для развития экономики и обороны нации»³⁵. С другой стороны, использование тех же шахт, рудников и водопадов частными лицами теперь зависело исключительно от решения государства.

В такой ситуации и сам Варгас преподносил свой режим как модернизационный. В одном из выступлений, в 1937 году, он, в частности, акцентировал внимание на следующем: «если в политической области мы отмечаем существенный прогресс, то еще в большей степени мы можем говорить о прогрессе в социальной сфере. Привилегиями, предоставленными трудящимся, и гарантиями, которые мы предложили труду, мы завершили перестройку институтов, которые еще отражали недостатки прежнего режима, основанного на рабском труде и патриархальной экономике»³⁶. С другой стороны, режим позиционировался, как форма правления, которая отвечает интересам большинства бразильцев. Поэтому, Варгас нередко утверждал, что каждый гражданин ощущает свою причастность к тем изменениям, которые имели место: «каждый бразилец на своем рабочем месте, приложив максимум усилий, должен с честью выполнить свое задание, а, если можно, то и перевыполнить. Мы, как преду-

³² Carone E. *O Estado Novo (1937-1945)* / E. Carone. – Rio de Janeiro, 1977. – P. 212

³³ См.: Burns E.B. *Nationalism in Brazil* / E.B. Burns. – NY., 1968; Guilherme O. *O nacionalismo e a política internacional do Brasil* / O. Guilherme. – São Paulo, 1957; Gabriel de Resende P. *Nacionalismo* / P. Gabriel de Resende. – São Paulo, 1959.

³⁴ Droulers M., Engel Gerhardt T., Biaggi E. de, *Dynamique du peuplement et du développement* / M. Droulers, T. Engel Gerhardt, E. de Biaggi // *Cahiers des Ameriques Latines*. – 1995. – No 20. – P. 86 – 87.

³⁵ *International Conciliation: Documents for the Year 1939*. – Washington, 1939.

³⁶ *Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio*. – 1939. – No 37. – P. V.

смотрительные муравьи, должны поддерживать житницы полными»³⁷. Именно такой порядок вещей и казался Варгасу наилучшей гарантией стабильности, о чем он говорил, например, в 1939 году, указывая на то, что в Бразилии «нет борьбы классов, а трудящиеся массы охвачены глубоко гуманным законодательством... основы социального мира, в котором живет Бразилия, тверды»³⁸.

Такая политика модернизации дала свои позитивные результаты, что выражалось в следующем: увеличился годовой прирост в экономике с 2.3 % (1929 – 1937 годы) до 2.9 % в 1937 – 1949 годах. К 1938 году по сравнению с 1929 годом выплавка чугуна в Бразилии увеличилась на 342 %, стали – 238 %, металлопроката – на 200 %, а цемента – на 253 %. К началу 1941 года стоимость продукции обрабатывающей промышленности в два раза превышала стоимость произведенного сырья. Если в 1920 году в Бразилии было зарегистрировано 13334 предприятий, то к 1940 году их численность составила 49418. Изменилось и соотношение импортных и бразильских товаров на внутреннем рынке, с 22 % в 1929 до 13 % в 1939 году³⁹.

Анализируя модернизационные процессы в Бразилии в период правления Ж. Варгаса необходимо помнить и о том, что они обладали значительной спецификой. Стремления к модернизации экономики и попытки разрешения социальных проблем и вопросов сочетались с ростом консервативных и националистических идей. Анализируя режим Варгаса, бразильская историография указывает на то, что политический маятник резко сместился вправо. В исследованиях бразильских историков констатируется особая популярность таких концептов как антикоммунизм, антииудаизм, антипротестантизм, антилиберализм⁴⁰.

В Бразилии, действительно, стали популярны идеи португальского интеллектуала Аугусто Косты, изречения которого нередко цитировались на страницах официальных изданий: «политическое равенство – нелепость, порожденная мозгом Руссо, экономическое равенство – абсурд, созревший в сознании Маркса». Поэтому, популяризировалась другая точка зрения: «подлинное равенство людей заключается ни в чем ином, как в догмате католической церкви, являющемся достижением христианской цивилизации»⁴¹. Сам Варгас позиционировал себя как доброго католика и нередко апеллировал к опыту Церкви, «великой семьи христиан», противостоящей вызовам коммунизма⁴². Это свидетельствует о том, что модернизация была модернизацией, проводимой сверху, у истоков которой

³⁷ Vargas G. Brasil en Armas / G. Vargas. – Buenos Aires, 1944. – P. 70.

³⁸ El Mercurio. – 1939. – June 10.

³⁹ См. статистические данные: Калмыков Н.П. Диктатура Варгаса и бразильский рабочий класс / Н.П. Калмыков. – М., 1981. – С. 145 – 146.

⁴⁰ Tucci Carneiro M.L. Sob a mascara do nacionalismo. Autoritarismo e anti-semitismo na Era Vargas (1930-1945) / M.L. Tucci Carneiro // EIAL. – 1990. – Vol. 1. – No 1.

⁴¹ Boletim do Ministerio do Trabalho, Industria e Comercio. – 1939. – No 62. – P. 99.

⁴² Vargas G. Palavras aos Brasileiros / G. Vargas. – Rio de Janeiro, 1937. – P. 10.

стояли правоориентированные политики, пытавшиеся приспособить модернистские принципы с традиционными ценностями.

Именно сочетание модернизации с консервативными традициями, столь характерное для режима Ж. Варгаса, и стало причиной неудачи модернизации Бразилии в том варианте, в котором предлагал Варгас. К 1945 году, после пятнадцати лет правления, стало невозможным мирно сочетать правую традицию, носителем которой был сам Варгас, и левые идеи значительной части бразильского интеллектуального сообщества, которая, как и президент выступала за модернизацию страны, но предполагала, что модернизационные процессы должны протекать иначе. Поэтому, 29 октября 1945 года часть бразильского генералитета потребовала от Варгаса добровольного отказа от власти. Жетулио Варгас был вынужден согласиться и передать власть военным, которые продекларировали необходимость решения вопроса о власти на демократических выборах. Варгас не столкнулся ни с репрессиями и препятствиями – он сам принял участие в выборах и был избран сенатором и депутатом Палаты депутатов.

В заключении, подводя итоги, попытаемся выявить основные черты политики модернизации Ж. Варгаса, определить ее место в истории процесса модернизации в Бразилии. Первая особенность модернизационных процессов 1930-х – первой половины 1940-х годов состояла в том, что они протекали сверху, осуществляясь в рамках авторитарного политического режима. Второе, что следует упомянуть особо – модернизация была и особой формой развития национализма. Модернизируя экономические институты и отношения в Бразилии Варгас стремился сделать экономическую жизнь более бразильской, национальной. Поэтому, модернизационный вариант Варгаса – это, в первую очередь, экономический национализм.

В то же время, развиваясь в рамках недемократического авторитарного режима, модернизация сочеталась с тем, что режим конструировал для себя лояльность и идентичность бразильцев, в первую очередь – интеллектуалов. Вот почему, в истории Бразилии в период правления Варгаса мы наблюдаем две тенденции – модернизацию, с одной стороны, усиление официального национализма, конструирование лояльности режиму, ее искусственное стимулирование. Именно поэтому, Варгас считал возможным бороться, с одной стороны, со значительным влиянием американского капитала, пытался проводить национализацию, развивал трудовое законодательство, а, с другой, поощрялась Католическая Церковь, развивался бразильский национализм, тщательно культивировались традиционные ценности.

Поэтому, такая своеобразная дихотомия «модернизация – авторитарный режим» оказалась жизнеспособной в крайне ограниченной хронологической перспективе. К середине 1940-х годов и бразильским интеллектуалам и бразильской буржуазии стало тесно в рамках создаваемого Варгасом «нового государства». Вероятно, режим к тому времени уже вы-

полнил свою задачу, ослабив традиционные институты, заложив мощный модернизационный импульс. Режим перестал соответствовать интересам интеллектуалов, недовольных цензурными ограничениями и насаждением исключительно правых настроений. Левый дискурс в интеллектуальной жизни Бразилии и Латинской Америки в целом, действительно, оказался очень мощным. Кроме этого режим личной власти Варгаса был осознан и буржуазией уже не как стимул, а как препятствие на пути к экономическому росту.

Тем не менее, основной вывод может быть сформулирован следующим образом: несмотря на наличие явных авторитарных элементов, на проведение репрессий против коммунистических и других левых сил, свертывание демократических институтов – режим Жетулио Варгаса не был фашистским, как его были склонны оценивать советские историки. С другой стороны, он не был и уникальным явлением в бразильской истории, что пытаются доказать правоориентированные бразильские интеллектуалы. Несмотря на наличие бразильской специфики, режим Варгаса немало заимствовал у других недемократических режимов Европы. Режим Варгаса, «новое государство» были правыми модернизационными проектами, которые нуждаются в дальнейшем изучении на ряду как с либерально-демократической, так и левой авторитарной моделями модернизации.

А.И. Кривошапкин
**ФИЛОСОФИЯ НЕНАСИЛИЯ И ТЕОЛОГИЯ
ОСВОБОЖДЕНИЯ**

Латинская Америка более известна применением массированного насилия, начиная с Конкисты и заканчивая военными диктатурами недавнего прошлого и псевдодемократиями современности. Говорить о ненасилии на континенте, где целые эпохи национальной истории, как в Колумбии, именуются «violencia» – насилие, где из-за проигранного футбольного матча началась война между Сальвадором и Гондурасом, на первый взгляд представляется неактуальным¹.

Такая точка зрения на историю и современность «пылающего континента» является односторонней. Ненасильственное освобождение играет всё большую роль в мире, в том числе и в Латинской Америке. В 1944 г. два латиноамериканских диктатора – М. Мартинес (Сальвадор) и Х. Убико (Гватемала) – были свергнуты в результате ненасильственных гражданских восстаний². Переходу Чили от диктатуры к демократии предшествовала многолетняя упорная ненасильственная борьба чилийского народа. В настоящее время по всей Латинской Америке активисты из «Servicio Paz y Justicia» (Службы мира и справедливости) выступают за концепцию освобождения, основанную на таких родственных понятиях, как справедливость и мир.

Наибольший интерес в этом плане представляет теология освобождения – обновленческое направление в католицизме, сформировавшееся в Латинской Америке после 2-го Ватиканского собора (1962–1965). Под одним названием теология освобождения объединяет различные течения, связанные общей методологией прочтения библейских текстов в свете проблем современности. Основные догматы и принципы христианства с момента его зарождения оставались практически неизменными, но со временем одни из них выступали на передний план, другие отодвигались в тень. Л. Фейербах однажды заметил: «Каждая эпоха вычитывает из Библии лишь самое себя; каждая эпоха имеет собственную самодельную Библию»³.

Библейские тексты в интерпретации теологов освобождения служат теоретическим, методологическим и аксиологическим обоснованием для решения насущных проблем континента – борьбы с экономической отсталостью, угнетением и социальной несправедливостью. Теологи освобождения связывают несправедливость в социальных отношениях с сис-

---

¹ Капусцинский Р. Футбольная война / Р. Капусцинский // Латинская Америка. - 1989. - №8. - С.96 - 106.

² Исторические примеры ненасильственной борьбы // Антология ненасилия. - Москва-Бостон, 1992. - С.144.

³ Фейербах Л. Избранные философские произведения. Т.1 / Л. Фейербах. - М., 1955. - С. 264.

темой, а страдания народа считают грехом правящих классов. Для теологии освобождения, в отличие от традиционного католицизма, бедные и угнетённые – не объект, а субъект освобождения. Само освобождение понимается как борьба с угнетателями. Эта борьба ведётся в различных формах – насильственной и ненасильственной. Существует два крыла теологии освобождения: одно из них ориентировано на партизанскую войну, другое – на ненасильственную борьбу.

Сходство последнего с теорией и практикой философии ненасилия отмечает Б.И. Коваль, когда пишет о представителях теологии освобождения «гандистского толка»⁴. Действительно, интерпретация текстов Священного писания представителями ненасильственного крыла теологии освобождения – Э. Камара (Бразилия), Л. Проаньо (Эквадор), О. Ромеро (Сальвадор) – во многом совпадает с воззрениями на огромный преобразовательный потенциал религии апостолов ненасилия – Л.Н. Толстого и М.К. Ганди.

Большинство людей считает, что призыв «любить врагов» имеет практическую ценность исключительно на межличностном уровне. Там же, где конфликт происходит между классами или народами, требуется другой, более реалистичный подход. Л.Н. Толстой в своём учении о «непротивлении злу насилием» указал на узость такого понимания этой заповеди: «Напрасно говорят, что учение христианское касается личного спасения, а не касается вопросов общих, государственных»⁵. Ганди своей «сатьяграхой» на практике убедительно и оригинально продемонстрировал социальное значение Нагорной проповеди.

Доминирующей формой общественного сознания для большинства жителей латиноамериканского континента все еще является религиозное сознание, во многом формирующее ментальность населяющих его народов. Религия для большинства простых латиноамериканцев и сегодня остается единственным способом объяснения мира, формой идентификации и самоорганизации, средством духовного единения и достижения социальной солидарности.

Духовные лидеры теологии освобождения учитывали, что с неграмотными массами можно говорить только на языке Священного писания – единственном языке, который им знаком и понятен. Они понимали, что религия служит фундаментом этического, правового и, во многом, политического сознания народов континента; именно в ней находили те формы и средства выражения своих политических и социальных программ, благодаря которым последние становились доступными для восприятия широкими массами.

Л.Н. Толстой задолго до появления теологии освобождения писал: «Я думаю, что разрешение социальных вопросов без помощи религии –

⁴ Коваль Б.И. Теология «освобождения»: против ложного смирения / Б.И. Коваль // Латинская Америка. - 1990. - № 6. - С.62.

⁵ Толстой Л.Н. В чём моя вера? / Л.Н. Толстой. - Тула, 1989. - С. 48.

задача неразрешимая»⁶. М.К. Ганди в свою очередь констатировал: «тот, кто утверждает, что религия не имеет ничего общего с политикой, не знает – что такое религия»⁷. Нонконформистская интерпретация Священного писания теологами освобождения привела к тому, что «в Латинской Америке Библия стала подрывной книгой, и в этом своём качестве она на равных конкурирует с революционными книгами»⁸. Призыв апостола Петра: «Должно повиноваться более Богу, нежели человекам» (Деян. ап. 5:29), которому следуют сторонники ненасильственной альтернативы в теологии освобождения, раздражает всех диктаторов континента.

Чтобы ненасильственные движения смогли возникнуть и стать массовыми, должен существовать институт, свободный от прямого воздействия со стороны угнетателей, независимый от них экономически, а также легальные организации угнетённых. Таким институтом в Латинской Америке является католическая церковь, точнее те её приходы, которые разделяют идеи и установки теологии освобождения, а организациями – базовые или низовые христианские общины, подобные ашрамам М.К. Ганди.

Вопрос, реально ли ненасильственное сопротивление любому противнику, остается открытым, хотя у Ганди он не вызывал сомнения. «Основные положения моего учения и методы, несомненно, применимы во всем мире»⁹, – утверждал он. Махатма придерживался мнения, что ненасильственные действия с успехом могут использоваться против тирании, и во времена нацизма призывал евреев к открытому ненасильственному сопротивлению Гитлеру¹⁰.

Исторический опыт свидетельствует: ненасильственная борьба может применяться даже против наиболее жестоких правителей и военных режимов. Дж. Шарп отмечает: «Ненасильственные действия успешно использовались и используются не только в разрешении внутренних конфликтов в рамках демократической системы; они широко использовались в борьбе против диктаторских режимов»¹¹. Ненасильственное сопротивление против диктатуры в стратегии и тактике, а также в методах отличается от ненасильственных акций, направленных против демократического или формально-демократического режимов. В условиях диктатуры было бы ошибкой начинать борьбу с организации массовых ненасильственных

⁶ Толстой Л.Н. ПСС в 90 тт. / Л.Н. Толстой. - М., 1954. - Т.73. - С.108.

⁷ Ганди М.К. Моя жизнь / М.К. Ганди. - М., 1969. - С. 431.

⁸ Антуан Ш. Когда епископы становятся подрывными элементами / Ш. Антуан // Революция в церкви? (Теология освобождения): Документы и материалы. - М., 1991. - С.181.

⁹ Ганди М. Все люди – братья / М. Ганди // Открытие Индии: философские и эстетические воззрения в Индии XX века. - М., 1987. - С.260.

¹⁰ Maimann H. Gandhi oder Moglichkeiten und der Grenzen der Gewaltfreiheit / H. Maimann // Wiener Beitrage zur Geschichte der Neuzeit. - Bd. 4. - Wien, 1977. - S. 252-253.

¹¹ Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Part One: Power and Struggle / G. Sharp. - Boston, 1984. - P.71.

акций. В Чили, например, борьба против А. Пиночета начиналась не с публичных выступлений, а с подпольных семинаров, с групповой работы, направленной на организационную, техническую, духовную подготовку людей к ненасильственным акциям протеста. Там, где запрещена всякая оппозиционная деятельность и ее проявления: демонстрации, митинги и т.д., – они проводятся в форме религиозных шествий и молитвенных собраний. Когда пресекаются любые альтернативные формы политической и социальной активности, предпочтение отдается менее крупным, но зато хорошо организованным ненасильственным акциям. Х. Госс-Майер приводит в своей книге примеры таких результативных ненасильственных акций, как выступление боливийских горняков против военной диктатуры генерала Бансеры и борьба бразильских крестьян за право на землю, в которых были активно задействованы представители теологии освобождения¹².

У теологии освобождения свои святые – колумбийский священник-партизан Камило Торрес, погибший с оружием в руках и сальвадорский архиепископ Оскар Ромеро, убитый в храме во время проповеди.

Существует распространённый апокриф: Э. Че Гевара в юности был так очарован идеями Ганди, что сначала намеревался действовать в духе его «сатьяграхи» – активной ненасильственной борьбы, но впоследствии по объективным и субъективным причинам избрал другой, более радикальный путь. Ненасилие предпочтительнее насилия, но последнее лучше трусости. Даже такой последовательный приверженец ненасилия, как Ганди, утверждал: «если приходится выбирать между трусостью и насилием, то я посоветовал бы насилие»¹³. Махатму Ганди называли «святых» в политике. Ф. Кастро в одной из своих бесед с видным представителем теологии освобождения доминиканским монахом отцом Бетто заявил: «Если бы Че был католиком и принадлежал к лону церкви, он имел бы все основания быть причисленным к лику святых»¹⁴.

Предсказать, по какому пути будет проходить дальнейшее развитие Латинской Америки, – невозможно. В связи с этим актуальной остаётся следующая эвристическая констатация Гегеля: «Безумием новейшего времени следует считать стремление изменить пришедшую в упадок систему нравственности, государственного устройства и законодательства без одновременного изменения религии – *революцию* произвести без *реформации*...»¹⁵.

Теология освобождения, теоретическую основу которой составляют диалектически интерпретированные тексты Священного писания, взявшая на вооружение практические наработки философии ненасилия, такие

¹² Goss-Mayr H. Der Mensch vor dem Unrecht. Spiritualität und Praxis gewaltloser Befreiung / H. Goss-Mayr. - Wien - München - Zürich, 1981. - S.116 -130.

¹³ The Words of Gandhi / sel. by R. Attenborough. - NY., 1982. - P. 49.

¹⁴ Fidel y la religion. Conversaciones con Frei Betto. - La Habana, 1985. - P.376.

¹⁵ Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3. Философия духа / Г.Ф. Гегель. - М., 1997. - С. 377 - 378.

как массовое несотрудничество и гражданское неповиновение, содержит в себе громадный потенциал ненасильственной революции – революции надежды, а не отчаяния.

БЕДНОСТЬ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

(по материалам рукописи Б.И. Коваля, подготовил В.И. Сальников)

К настоящему времени в социально-гуманитарных науках начинает утверждаться взгляд на бедность не просто как на социально-экономический, но в значительной степени - как на сложный социально-культурный феномен, исследование которого должно осуществляться на междисциплинарной основе. Если попытаться дать обобщенное и системное определение бедности, то оно сводится к следующему:

С экономической точки зрения бедность есть самый низкий уровень жизни, когда человек лишен средств к нормальному и активному социальному существованию: у него нет собственности, или ее размеры мизерны, нет добротного жилища, нет необходимого для здоровья семьи питания, постоянной работы, приличного образования и т.д.

С социальной точки зрения беднейшее население представляет собой неоднородную массу людей, отличающихся от «среднего класса» и богатых людей низким статусом в обществе.

С политической точки зрения бедняков следует отнести к армии наивной и доверчивой «пехоты» всякого рода популистских и революционно-экстремистских сил. Как показывает практика, эффективность участия бедных слоев в политике невелика, однако их стихийная протестная энергия, проявляющаяся в бунтах, восстаниях, акциях протеста, зачастую помогает совершить если не социальную революцию, то хотя бы смену политического режима.

С правовой точки зрения бедное и нищее население не обладает реальными гражданскими правами. Оно полностью зависит от элит, чиновничества, полиции. Забитые и неграмотные люди не могут разобраться в хитросплетениях современного конституционализма и бюрократических «игр», поэтому их интересы игнорируются в праве и в политике многих стран.

С культурологической точки зрения эти слои отличаются отчуждением от высокой культуры. Им не доступны театр, консерватория, литература. В лучшем случае они могут наслаждаться карнавальными шествиями, футболом, кино, дискотеками. Поп-культура и субкультура бедных кварталов это особый мир человеческих судеб, развлечений и страданий.

С религиозной точки зрения бедное и нищее население образует основную массу верующих, но их вера, как правило, не носит глубокого ха-

рактера и чаще всего ограничивается формальной обрядностью. Во многих случаях религиозность смешивается с языческими традициями и с чувством страха перед судьбой. Высокодуховные религиозные устремления и экстатическое трансцендентное соединение в душе с Богом среди этих людей встречается не часто.

С этической точки зрения бедные слои сочетают в себе как добродетельные, так и греховные черты. Их мораль разорвана, готова легко уступить место чувству раболепия и приспособленчества к ситуации. Нередко для их настроения характерно наличие зависти, желание кому-то отомстить за свою несчастную судьбу. Нередко это сопровождается наркоманией, алкоголизмом, вовлечением в криминальные отношения. С другой стороны, беднякам свойственно чувство групповой солидарности и взаимопомощи (зачастую групповая солидарность и взаимопомощь сочетаются с круговой порукой).

С экзистенциальной точки зрения бедность представляется особым стилем жизни, отличным от стиля и норм жизни более обеспеченных слоев. Неимущие слои привыкли к постоянной нужде, подавлению потребностей и желаний. Одни из них склонны к пассивности, испытывают тягу к смерти. Другие, особенно молодежь, стараются выбиться «в люди», причем не всегда за счет честного и упорного труда. Кто-то нелегально эмигрирует в соседние страны в поисках лучшей доли. Но все они пребывают в состоянии жалкого и убогого существования.

Все вышеперечисленные черты жизни бедных слоев теснейшим образом связаны друг с другом, образуя более или менее цельный социальный облик наиболее массовой части мирового населения.

При этом бедность не существует сама по себе, она – изнанка богатства, его исподняя сторона. Бедность и несчастья одних – во многом есть плата за богатство и счастье других, поэтому ряд философов и ряд религиозных направлений, например ранние христиане, преклонялись перед бедностью, расценивая пребывание в ней как искупительные страдания, облегчающие обретение «Царствия Небесного». Другие, выбирая путь добровольной бедности, стремились таким образом уйти от проблем современного им мира, видя в ней освобождение. Третьи, расценивая бедность как следствие социального неравенства, стремились покончить с ней через социальную революцию, осуществить которую предполагалось возможным как через изменение умов и нравов, так и через вооруженное насилие.

Однако страдания не приближали «Царствия Небесного», бедность не давала освобождения, а социальные революции лишь относительно уменьшали проблемы бедности. Многие факторы бедности, несмотря на предпринимаемые попытки ее преодоления, воспроизводились в новых условиях. К таким факторам (или причинам) бедности можно отнести:

- бедность и нищенство по рождению, наследуемые от родителей и семьи;

- бедность по «злему року» – война, природные катастрофы, тяжелая болезнь и др.;

- бедность, вызванная социальными и политическими факторами – безработица, вынужденная эмиграция, гражданские войны и революции, геноцид;

- бедность, наступившая по невезению – разорение, раздел имущества семьи между супругами или детьми;

- бедность по преступлению, например, воровство, убийство, за которыми следует тюремное заключение, конфискация имущества и общественный ostracism (трудность найти работу, криминальное окружение);

- бедность по глупости, слабОВОЛИЮ или азарту – проигрыш в карты, алкоголизм, зависимость от преступной группы и пр.;

- бедность и нищета по собственному выбору и желанию – скитничество, монашество, кинический аскетизм, хиппи и др.

Конечно, бедность в эпоху средневековья отличалась от бедности в 60-е годы XX столетия, бедность в африканских странах – от бедности в США, тем не менее, как показывают исследования в области социальной антропологии – науки, изучающей эволюцию человека, цивилизаций, культур через анализ системного мира человека в рамках проблем социального бытия культуры, – у бедности есть ряд универсальных признаков. Если рассмотреть бедность в аспекте социальной антропологии, то психология бедности зиждется на 3 китах: 1) отчужденности личности от общества; 2) зависти и обиде; 3) агрессивности по отношению к окружающему социуму. Этой психологии свойственно наличие такого феномена как *resentment*, что в переводе с французского означает чувство злобы, агрессии и одновременно утопические ожидания лучшего. Для психоэмоционального настроения бедняков характерно переплетение сразу трех устремлений:

- традиционное, примитивное смирение, пассивность, безразличие к жизни;

- активное желание выбиться в люди, приобрести собственность, получить какой-нибудь устойчивый социальный статус;

- протест, мечта о социальной справедливости, что порождает стихийную тягу к революционному и почти бессознательному радикализму.

Борьба и переплетение этих трех «сил» и составляет внутреннюю жизнь обездоленных масс, порождая соответствующие формы поведения, которые носят динамичный характер, сменяют друг друга, образуя живые композиции. Применительно к современности к этим композициям добавляется еще и сочетание как архаичных, так и современных качеств социального человека. Какие из них станут доминировать – зависит от характера, темперамента, силы воли и других личных особенностей. Однако кроме индивидуально-психологических факторов при выборе формы поведения большую роль играют также и задаваемые культурой установки. Поэтому крайне важно при исследовании феномена бедности в современном мире и построения ее «идеальной модели» (по аналогии с идеальны-

ми типами М. Вебером) выбрать такой регион с устойчивой бедностью, который не отличался бы закрытостью, сочетал бы в себе как черты архаики, так и современности, где бы переплетались вышеуказанные психоэмоциональные настроения бедноты.

Ряд исследователей считают, что таким регионом является Латинская Америка, где доля бедняков (тех, кто тратит на себя в день менее 2 долларов) в социальной структуре составляет 44%, где с ужасной бедностью большинства контрастирует огромное богатство местных олигархов, где постиндустриальные анклавные поселения обеспечивают поселившимся там относительно благополучную жизнь по мировым стандартам, окружены архаическим пространством экономической и социальной нестабильности, где беднота питает своей энергией революционные движения, правый авторитаризм и снимающий идеологические противоречия между ними национал-популизм, где уживаются криминальный менталитет и аристократическая утонченность, где христианство призывает не к смирению, а к революционной борьбе за социальное освобождение («Геология освобождения»), где из сочувствия к бедноте в революцию идут аристократы (Ф.Кастро, Э.Че Гевара), а беднота широко вовлечена в криминальный мир...

Тем более что основания для такого утверждения есть:

- 1) усиление левого экстремизма и национал-популизма в современном мире при активном взаимодействии с наркобизнесом;
- 2) в условиях глобализации тенденции концентрации мировых богатств в странах постиндустриального Севера и роста населения беднеющего Юга ведут мир к глобальной революции, которая может его вернуть в хаос нестабильности.
- 3) Латинская Америка представляет собой лимитроф с доминированием Юга, где как в зеркале отражаются тенденции мирового развития.

Д.М. Бородин

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕКСИКЕ

Изучение перехода от авторитаризма к демократии является одним из основных направлений современной политической науки. Вряд ли у кого-либо возникнет сомнение в том, что полноценное объяснение данного феномена возможно лишь при использовании результатов конкретных страноведческих исследований. В этом отношении особый интерес представляет опыт Мексики. Эта страна долгое время представляла собой образец политической стабильности (в целом не характерной для региона), а политические элиты продемонстрировали способность адаптации к политическим и социальным изменениям. В то же время изучение трансформационных процессов в Мексике сопряжено с целым рядом трудностей теоретико-методологического характера. Дело в том, что «транзито-

логия» (исследовательское направление, специализирующееся на изучении переходных процессов)¹ рассматривает процесс трансформации в виде последовательно сменяющих друг друга этапов: либерализация прежнего режима – переход = установление демократии – консолидация демократии. Это затрудняет анализ случаев, где либо результат перехода не очевиден, либо сформировавшийся режим не соответствует критериям демократии. С другой стороны транзитологические концепции объясняют лишь переходы к демократии посредством пакта, не уделяя внимания другим типам переходов. Мексика как раз и является страной, в которой, во-первых, сложно говорить о результатах трансформации (в смысле консолидации режима), хотя перспектива возвращения к авторитарному правлению представляется маловероятной. Кроме того, в Мексике не было пакта², как способа перехода, хотя страну относят к числу лидеров процесса демократизации в регионе. Типологически мексиканский транзит может быть обозначен как «консервативная реформа»³, что предполагает сохранение господства правящей элиты прежнего режима без смены акторов благодаря ее приспособлению к новым институтам.

Учитывая все выше изложенное, мы не можем применить в данном исследовании ни традиционный транзитологический исследовательский инструментарий, ни концепции, которые рассматривают в качестве итога процесса трансформации консолидацию режима (в независимости от его характера)⁴. Поэтому, мы считаем необходимым сосредоточить внимание на стадиях процесса трансформации. Это нуждается в пояснении: любой динамический процесс (политическая трансформация не исключение) может быть представлен как ряд сменяющих друг друга этапов. В данном случае стадии процесса рассматриваются не как «переход» от одного состояния к другому, а как самостоятельная проблема. В этом случае необходимо не только выделение основных этапов процесса, но и сравнение условий в которых действуют акторы на предмет их сходства / различия. В принципе выделение этапов политической трансформации в Мексике уже предпринималось. Так Э. Эрнандес Норзагарай выделяет следующие этапы⁵: 1) 1977 - 1994: от начала политической реформы в Мексике до последней победы Институционно-Революционной Партии на президентских выборах. 2) с 1994 года по настоящее время. Видно, что в данном

¹ Критику транзитологии см. напр.: Капустин Б.Г. Конец транзитологии? / Б.Капустин // Полис. - 2001. - №4; Карозерс Г. Конец парадигмы транзита / Г. Карозерс // Политическая наука. – 2003. - № 2. - С. 42 - 65.

² См.: Hernandez Norsagaray E. Sistema electoral y sistema de partidos en Mexico (1994-2000) / E. Hernandez Norsagaray // America Latina Hoy. - 2003. - No 33. - P.16.

³ См.: Munk G., Leff C. Models of Transition and Democratization. South America and Eastern Europe in Comparative Perspective / G. Munk, C. Leff // Comparative Politics. - 1997. - Vol. 29. - No 3. - P.343 - 362.

⁴ Удачное применение подобного подхода см. напр.: Россия регионов, трансформация политических режимов / ред. В. Гельман, С. Рыженков, М.Бри. - М., 2000.

⁵ Hernandez Norsagaray E. Op. cit. - P. 16.

случае, за основы берется изменение избирательного законодательства и победа на выборах Э. Седильо. Однако, изменение избирательных процедур и победа на выборах последнего кандидата-прииста – события за которыми стоят другие изменения. Поэтому нужно изменить критерии, на основании которых осуществляется периодизация. На наш взгляд, такими критериями могут стать кризис авторитарного режима и действия, предпринимаемые правящей элитой для стабилизации своего положения, а также структурные изменения, произошедшие в Мексике за время эрозии однопартийного режима.

Для решения этих задач сначала рассмотрим особенности авторитаризма и причины его кризиса. Отличительной чертой мексиканского режима было то, что страна в течении почти семидесяти лет отличалась высоким (а по меркам Латинской Америки очень высоким) уровнем политической стабильности. При этом термин стабильность не следует понимать упрощенно – как сохранение статус-кво. Правящая партия, с одной стороны, действительно решала задачи сохранения собственной гегемонии, а с другой – задачи развития страны. Сам режим оформился в 1930-х годов по типу «сообщества элит», основой которого является заключение явного или неявного соглашения о разделе сфер влияния между актором, обладающим доминирующим положением и его основными конкурентами⁶. В рамках «сообщества элит» доминирующий актор боится себя от возможности утраты лидирующих позиций в обмен на перераспределение ресурсов в пользу других групп. Предельным случаем «сообщества элит» являлась Мексика⁷.

Воспроизводству режима способствовали следующие факторы:

1) конституционно закреплённый дисбаланс в системе разделения властей. Создатели конституции 1917 года сознательно пошли на закрепление обширных полномочий президента, аргументируя это необходимостью проведения масштабных преобразований.

2) Доминировавший во взаимоотношениях с заинтересованными группами корпоративизм. Типологически мексиканский политический режим относился к открытым корпоративистским режимам⁸. Институционно-Революционная Партия включала в себя целый ряд организаций, выражающих те или иные групповые интересы. Многие из них создавались ПРИ целенаправленно. Помимо этого руководство правящей партии сознательно вовлекало в свои ряды индивидов и группы, проявлявших недовольство режимом, идя на создание в своих рядах отчетливых групп и фракций. Таким образом, ПРИ являлась типичной инклюзивной партией. Выражение автономных требований допускалось только в ограничен-

⁶ Knight Mexico's elite settlement: conjuncture and consequences / A. Knight // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / eds. J. Higley, R. Gunther. - Cambridge, 1992. - P. 113-145.

⁷ Knight A. Op. cit. - P. 113-145.

⁸ Democracy and its Discontents Development, Interdependence and U.S. policy in Latin America / ed H.J. Wirtda. - L., 1995. - P. 227.

ном масштабе и в рамках либо правящей партии, либо связанных с ней заинтересованных групп⁹. Одним из важнейших следствий мексиканского корпоративизма было то, что он, нивелируя роль парламента, способствовал маргинализации оппозиционных партий¹⁰.

3) Третьим фактором стабильности мексиканской политической системы было то, что корпоративизм служил не только механизмом представительства и согласования интересов, но и выполнял более широкие функции – социальной интеграции и легитимации режима. Как отмечал Х. Лабастида: «В то время, как исторической функцией корпоративизма милитаризованных стран является демобилизация и деполитизация общества и в частности народных масс, в Мексике он способствует тому, что бы государство могло мобилизовать широкие слои населения, не теряя над ними контроля»¹¹. Если классические авторитарные режимы стремились до минимума сократить свой диалог с различными социальными группами, то мексиканская модель зиждилась на сочетании контроля и власти с сохранением и расширением своей социальной базы¹². Интеграция широких масс населения осуществлялась двояким образом – через массовые организации (например профсоюзы), связанные с правящей партией, и посредством клиентарных связей¹³. Последние были особенно распространены в сельской местности.

Другим отличием мексиканского режима от классической модели авторитаризма было наличие оппозиционных партий: двух квазиоппозиционных и оппозиционной (Партия Национального Действия - ПАН). Однако роль их в политическом процессе была не велика. С одной стороны, как отмечалось выше, этому способствовал корпоративизм, а с другой – практически полный контроль правящей партии над выборами. Однако на рубеже 1960-1970-х годов «мексиканская модель» вступила в кризис. Индустриализация и урбанизация страны, в конечном итоге, привели к кризису институтов социальной интеграции, сложившихся в 1930-е годы. Это привело к эрозии электоральной базы правящей партии. Наиболее интенсивно этот процесс шел в столице и крупных городах, наименее – в сельских районах. Имеющиеся данные показывают тесную связь типа по-

⁹ Алмонд Г. Пауэлл Дж. Сравнительная политология: Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл. - М., 2002 - С.177.

¹⁰ См.: Santiago Nino C. Transition to Democracy: Corporatism and Presidentialism with Special Reference to Latin America / C. Santiago Nino // Constitutionalism and Democracy. - Oxford, 1993. - P. 25.

¹¹ UNAM. Revista mexicana de Sociologia. Instituto de investigaciones sociales. - 1977. - Vol. 39. - No 1. - P. 196, 197.

¹² Боровков А.Н. Шереметьев И.К. Мексика на новом повороте экономического и политического развития / А. Боровков. И. Шереметьев. - М., 1999 - С.166.

¹³ Semo Calev E. El clientelismo de ayer, hoy y mañana / E. Semo Calev // En del fin de Milagro al fin del milenio: Homenaje a Joseluis Cecena Games led C.J.Maya Ambia. - Mexico, 2000. - P.413 - 458.

селения и падения поддержки ПРИ на выборах¹⁴. В результате стабильность политической системы оказалась под угрозой. Катализатором недовольства стало студенческое движение 1968-1971 годов апогеем которого явилась демонстрация в Мехико в 1968 году расстрелянная войсками. Однако эта мера не принесла ожидавшегося эффекта.

Страна оказалась вовлеченной в волну студенческих волнений. Крестьяне и индейские общины стали занимать пустующие земли, широкий размах приобрели захваты муниципалитетов и правительственных зданий на местах. В штатах Герреро, Халиско и столице появилась геррилья. Если режим функционировал как «сообщество элит», то процесс его эрозии должен представлять собой процесс утраты доминирующим актором ресурсов, которые позволяют ему: 1) сохранять доминирующее положение; 2) контролировать (в известной мере) действия других акторов. Именно эрозия ресурсной базы ПРИ, ее действия в изменяющихся условиях, а также воздействие результатов эрозии режима на политический процесс кладутся нами в основу выделения этапов трансформации. Мы выделяем четыре этапа: 1) 1977 - 1986; 2) 1986 - 1988; 3) 1988 - 1997; 4) с 1997 года по настоящее время. Первый этап – политическая реформа 1977 года ставшая началом политической трансформации. Нужно отметить, что попытки стабилизации политической системы были предприняты еще администрацией Л. Эччеверии (1970 - 1976) с помощью неопопулистской политики в духе карденизма 1930-х годов. Однако они потерпели неудачу и в значительной мере, стимулировали рост конфликтности внутри мексиканской элиты (в частности между частью бизнес-элиты и государством). Поэтому администрацией Х.Лопеса Портильо (1976-1982) была инициирована политическая реформа, призванная изменить мексиканскую партийную систему. Главным нововведением реформы 1977 года были изменения в избирательной системе. Из 400 депутатов нижней палаты (их число было увеличено с 237 до 400) 300 избирались по 300-м одномандатным округам, а 100 – по четырем многомандатным по пропорциональной системе. Новая избирательная система содержала и элемент «связности» - в распределении «пропорциональных» мандатов не участвовала партия, получившая более 60 % голосов по системе большинства¹⁵. Помимо этого была облегчена процедура регистрации партий.

Политическая реформа привела к конфликту внутри мексиканской политической элиты. Главным аргументом ее сторонников была необходимость адаптации политической системы к изменившейся социальной и экономической ситуации, подтверждением этого могут служить слова идеолога реформы, министра внутренних дел Х.Рейеса Эрлесеса, утверждавшего, что для укрепления мексиканского государства «необходимо

---

¹⁴ Craig A.L. Cornelius W.A. Parties and Political reform in Mexica / A.L. Craig, W.A. Cornelius // Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America / ed. S. Mainuaring, T.R. Scully. - Stanford, 1995. - P. 262 - 263.

¹⁵ Gansales Casanova L. Mexico hoy / L. Gansales Casanova. - Mexico, 1989. - P. 355 - 357.

сократить брешь между государством и гражданским обществом, открыв новые каналы для достижения необходимого консенсуса и легитимности, естественно не разрушая структуры вертикального контроля, которая зиждется на системе господствующей, официальной партии»¹⁶. Противником реформы выступало «профсоюзное» крыло ПРИ. Либерализация избирательного законодательства привела к легализации ряда левых партий, что привело к потере ПРИ части левого электората и, чего опасались, снижению влияния «профсоюзных» групп в партии. Другим оппонентом реформы была право-оппозиционная ПАН. По мнению правых реформа – средство укрепления режима и подкуп оппозиции, что естественно, так как реформа носила антипанистский характер¹⁷. Действительно электоральная реформа должна была благоприятствовать тем партиям, которые могли бы мобилизовать часть населения, а с другой – встроиться в систему согласования интересов.

Оценивая итоги политической реформы нужно отметить, что она была инструментом укрепления «сообщества элит». По итогам выборов 1979 года 296 мест в нижней палате из 400 получила ПРИ. То есть мы можем трактовать реформу, как передачу части ресурсов (в данном случае мест в парламенте) оппозиции с целью укрепления положения доминирующего актора. Это, а еще повышение цен на нефть в конце 1970-х, привело к временной стабилизации политического режима.

Второй этап - 1986 - 1988 годы. Политическое развитие происходило в условиях кризиса государственно-капиталистической модели. В целях его преодоления правительство М. де ла Мадрида (1982-1988) начинает экономические реформы, основанные на неолиберальных схемах. Экономический кризис, приведший к эрозии корпоративизма, обострил конфликт вокруг стратегии национального развития. Это, в свою очередь, стимулировало рост противоречий внутри правящей партии. В рамках ПРИ появляется «Демократическое течение» (КД). В его руководство вошли К.Карденас, П. Муньос-Ледо, Р. Гонсалес Гевара. В октябре 1986 года КД опубликовало заявление с требованием демократических реформ в партии, однако лидеры ПРИ жестко пресекли эту попытку, в результате лидеры КД вышли из партии. Этот шаг привел к тому, что к выборам 1988г. был сформирован Национально-Демократический Фронт, который выдвинул Карденаса кандидатом в Президенты.

Другим фактором, определявшим политический процесс в Мексике, было усиление внешнеполитического давления США. Экономический кризис 1980-х годов привел к нарушению равновесия в американо-мексиканских отношениях, нанеся ущерб торговле и финансово-экономическим связям обеих стран. Отдельные признаки нестабильности вызвали беспокойство среди американской элиты, которая связывала экономическую либерализацию в Мексике с демократизацией. Учитывая

¹⁶ Цит. по.: Боровков А.Н., Шереметьев И.К. Указ. соч. - С. 237.

¹⁷ Craig A.L. Cornelius W.A. Op Cit. - P. 265.

внутриполитическую ситуацию и внешнее давление, администрация М. де Ла Мадрида инициировала изменения в избирательном законодательстве. Число членов нижней палаты увеличилось до 500 человек. Число мандатов, распределяемых по пропорциональной части до 200. Третий этап - 1988-1997. Точкой отсчета являются всеобщие выборы 1988 года. По их итогам кандидат ПРИ К. Солинас де Гортари получил 50, 35% голосов, К. Карденас - 31,12%. Именно в 1988 году оформилась мексиканская трехпартийная система. Другим итогом выборов стало то, что вперые лидер вышедшей из ПРИ группы не оказался «выкинутым» за пределы мексиканской политики. Это означало эрозию официальной партии. Кроме того, утрата ПРИ квалифицированного большинства в нижней палате означала невозможность функционирование политического режима с опорой на прежние методы.

Все это привело к изменениям внутри правящей партии. В годы президентства К.Салинаса де Гортари была принята и введена в действие президентская программа Pronasol. Официально целью Pronasol было создание механизмов распределения средств для поддержания инициатив местных сообществ, так как правительственные чиновники делали это неэффективно. Это означало укрепление влияния президента в обход партийного аппарата. Кроме того, характер распределения средств, выделенных на программу (большая часть их была направлена в районы не лояльные партии) свидетельствовал о том, что цель Pronasol укрепление влияния ПРИ. Другим важным событием стала XIV Национальная ассамблея ПРИ (1-3 сентября 1990 года). Итогом ее стал компромисс между реформаторами и консерваторами. На ассамблее были приняты решения об увеличении автономии организаций, входящих в ПРИ, демократизации внутренних выборов и децентрализации партии. Другой новацией администрации Салинаса де Гортари стали изменения избирательной системы. Потом изменения в избирательное законодательство внесли в 1993г. Характер их вполне соответствовал духу предшествующих. Иным был механизм их принятия. Соответствующие законы были приняты Конгрессом в результате совместного голосования ПРИ и ПАН.

Итогом третьего этапа можно назвать окончательную эрозию прежнего режима. Теперь успешная реализация реформаторских программ президента зависела от умения договориться с представителями оппозиции. В этих условиях необходимо было, при сохранении контроля над ПРИ, найти точки соприкосновения с одной из оппозиционных партий (чаще всего это была ПАН), что требовало поддержания баланса как между конкурирующими группировками внутри партии и между правящей партией и оппозицией. Естественно это несколько меняло роль института президентства, который стал постепенно приобретать надпартийный характер. Итогом президентства Салинаса стали выборы 1994 года их главным результатом стало то, что впервые официальный кандидат (Э.Седильо) получил менее 50% голосов (48,69%). В целом президентство Седильо напоминало президентство его предшественника. Однако

возможности для маневра резко сократились. Этому было две причины: 1) экономический кризис; 2) политический кризис, связанный с восстанием в 1994 года в штате Чьяпас. В дополнение на повестке дня стал вопрос о подписании договора о Северо-Американской зоне Свободной Торговли (НАФТА). В результате администрация Седильо пошла на новые изменения избирательного законодательства. Во-первых, снижалось максимально возможное представительство одной партии до 60%, во-вторых, повышался заградительный барьер с 1,5 до 2,5%, в-третьих, вводилась смешанная система распределения мест в Сенате. Однако главной новацией стало принятие Федерального избирательного закона в 1996 году. Теперь Федеральный Избирательный Институт стал полностью автономен, а Федеральный Избирательный Трибунал включен в систему судебной власти.

Четвертый этап: с 1997 года по настоящее время. Отправной точкой стали выборы 1997г. в ходе которых фракции, сформированные оппозиционными партиями приблизительно на половину состояли из депутатов-одномандатников (во фракции ПАН одномандатников было 64, при общем числе в 121, а в ПНД – 30 из 125). До этого основная масса депутатов, избранных в округах были членами ПРИ. Теперь позиции этой партии во многих штатах были подорваны. Вторым важным событием является победа В.Фокса Кесады на президентских выборах 2000г. Анализ политики Фокса не является задачей данной статьи. На наш взгляд главным является то, что после 2000г. в Мексике еще более четко обозначилась тенденция укрепления президентства, как надпартийного института. Этому способствовало и то, что на промежуточных выборах 2003 года ПАН утратила относительное большинство в палате депутатов (оно перешло к ПРИ).

Приведенная выше периодизация может показаться спорной - в качестве отправной точки отдельного этапа не выделен 2000 год - утрата ПРИ поста президента. Однако на наш взгляд это вполне оправдано. Не отрицая значимости этого факта, мы хотели показать, что выборы 2000 года в значительной степени результат предыдущих изменений (реформы избирательного законодательства в 1996 году, утраты ПРИ доминирующих позиций во многих округах и т.д.). В то же время наша периодизация позволяет рассмотреть политическое развитие Мексики, как единый процесс, состоящий из четырех этапов. Рубежом является 1988 год. Если на первых двух (1977-1986; 1986-1988), главным фактором политического развития была адаптация лидирующей фракции мексиканской элиты (руководство ПРИ) к изменяющейся ситуации, то на последних двух (1988-1997; с 1997 года) все большую роль в мексиканской политике стала играть оппозиция, то есть результат эрозии партии-гегемона превратился в самостоятельный фактор политического процесса. 1988г. стал «пограничным» и в другом отношении.

Если до конца 1980-х годов президент Мексики был не только главой государства, но и лидером партии, то после 1988 года эта ситуация стала

меняться. Уже два последних президента прииста (К.Солинас и Э.Седильо) рассматривали ПРИ в значительной мере как инструмент реализации своих реформаторских инициатив, возможности которого постоянно снижались. В этих условиях все большее значение приобрел надпартийный характер президентства. Наиболее ярко это проявилось в годы президентства В.Фокса, который, фактически отстранился от поддерживавшей его партии (ПАН). Формированию надпартийного президентства способствует не только невысокая популярность партий в Мексике, но и значительные конституционные полномочия главы исполнительной власти.

Т.А. Воротникова

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В современном мире каждый человек сталкивается с проблемой самоидентификации, будь то этнической, культурной, политической, социальной или государственной. Поиск и конфликт идентичностей становится предметом широкого обсуждения. А неизбежные процессы глобализации заставляют нас обратить взгляд в сторону локальных культур и национальных меньшинств.

Латинская Америка – регион, где проживает множество самобытных народов и этносов, обладающих совершенно различными этноантропологическими признаками, культурными установками, обычаями, жизненными ориентирами, традициями и ценностями. Это коренные индейские народы, потомки испанских конкистадоров, выходцы из Африки и Азии. Поэтому национальный вопрос в таких странах, как Мексика, Перу, Боливия, Гватемала, Эквадор, Парагвай и др. не теряет своей актуальности. По-прежнему особенно остро стоят проблемы интеграции, ассимиляции, транскulturации, этнической и культурной идентичности. Более подробно здесь мы остановимся на этнокультурных процессах в Мексике и Перу, т. к. в этих странах проживают наследники великих древних индейских цивилизаций, а потому культурный дуализм и противоречивость в обществе проявляется наиболее ярко.

Согласно официальной статистике по национальному составу в Мексике подавляющее большинство населения определяется как мексиканцы. По данным на сентябрь 2005 г. метисы составляют 60% от общего числа жителей, индейцы – 30%¹. Однако такое деление весьма условно. Название “мексиканец”, в первую очередь, означает не культурное или этническое единство, а общность территории, политических, социальных и экономических условий. Далекое не каждый гражданин Мексики осознаёт себя мексиканцем. Как заметил известный мексиканский поэт, писатель и

¹ Mexico (09/05) – <http://www.state.gov>

культуролог Октавио Пас «вопреки ходячим заблуждениям группа эта не так велика... На нашей земле сосуществуют не просто разные расы и языки,... на одной земле или даже на расстоянии нескольких километров у нас сшибаются, не замечая друг друга, или предаются взаимоуничтожению целые эпохи»².

Этнический состав Мексики базируется на лингвистическом разнообразии. Общеупотребительным языком является испанский. Существует мнение, что в Мексике также употребляется 33 основных индейских языка, столь же далёких друг от друга, как финский и китайский. Наиболее значительными индейскими языками являются науатль, майя, отоми, сапотекский. Многие языки находятся на пути к полному исчезновению, так как на них говорят люди лишь старшего поколения, молодёжь употребляет испанский.

Индеец, который наряду со своим родным языком употребляет так же испанский, носит одежду фабричного производства, как правило, не фигурирует в мексиканских статистических документах как индеец. Он будет отнесён либо к графе «мексиканцы», либо «метисы». Существует довольно значительная часть населения, представители которой называют себя индейцами, хотя говорят на испанском языке и утратили характерные черты своей самобытной культуры. Другие по быту и культуре ничем не отличаются от индейцев, но их родным языком является испанский, сами себя они индейцами не считают. Индейцы расселены крайне неравномерно. Некоторые из них живут на более или менее компактной территории, другие – отдельными островками среди испаноязычного метисного населения. Уже к 60-м годам образ жизни многих индейских племён и народов не отличался или мало отличался от основной массы испаноязычного населения. Прежде всего, это относится к самой многочисленной народности – ацтекам. Почти полностью интегрировались в современное общество майя, хотя они продолжают сохранять специфические ментальные, психологические установки. Существуют и довольно замкнутые народности, сохранившие свои этнические черты (например, тотонаки, хуастеки, лакандоны).

На протяжении XX века политика властей по отношению к коренным народам сводилась к ассимиляции и унификации культурных различий. В настоящее время активную позицию, противостоящую этим процессам, занимают «сапатисты» южных штатов Мексики. САНО (Сапатистская Армия Народного Освобождения) – это военно-гражданская организация индейцев и метисов. В САНО участвуют такие индейские народы как цельталь, цоциль, тохолабаль, чоль, соке. Впервые они заявили о себе в январе 1994 года восстанием в Сан-Кристоваль-де-Лас-Касас и других городах Чьяпаса. Сегодня почти все общины Лакандонской сельвы сапатистские. Они говорят «нет» неолиберализму и хотят создать

---

² Пас О. Освящение мига: Поэзия. Философская эссеистика / О. Пас. - СПб., 2000. - С. 148.

«мир, который вмещает в себя все миры». В выступлении перед международной гражданской комиссией наблюдателей по соблюдению прав человека (Ла Реалидад, Чьяпас, 20 ноября 1999 года) было, в частности, сказано: «более того, их борьба – не за власть. Они борются за то, чтобы их признали как индейские народы, чтобы признали их право на существование, не заставляя превращаться в других»³.

Итак, несомненно то, что индейцы играют важную роль в современной жизни Мексики. В будущем мелкие народности, которые сейчас пока сохраняют этническую идентичность, «растворятся» в мексиканской нации, но в тоже время все предпосылки для самостоятельного национального развития имеют многие народы.

В Перу после освобождения от испанского господства, принесённого войсками Сан-Мартина и Боливара, было провозглашено «рождение Родины». Для этнических взаимоотношений внутри складывавшейся перуанской нации была характерна резкая культурная и социальная обособленность креольской группы от индейской. «Индейский» для Перу почти всегда означает «кечуанский», потому что индейцы аймара расселены компактно по берегам оз. Титикака, а индейцы востока (это кампа, хиваро, чачапоя, мачигуэнга и другие этнические группы) немногочисленны и в течение длительного времени были изолированы от общения с наиболее населёнными областями Перу, т.е. Костой и Сьеррой. За три века колонизации произошла полная кечуанизация мелких этносов. Хотя в языке кечуа имелись некоторые диалектические различия, заметные в фольклоре и не было «общекечуанского» сознания, распространение кечуанского языка и некоторых форм испанской «народной культуры» (в одежде, быту и т.п.) привело к сложению большой кечуанской этнической группы.

Постепенно престижной становилась метисная культура, и богатеющий индеец стремился войти в «высшее общество» села не только экономически, но и подражая метисам и креолам в одежде, быту, вступая с ними в родство. В городе метисная группа стремилась войти в креольскую страту. Среди сельского населения Косты возобладала метисная модель культуры, характеризующаяся большим, чем в городах, количеством испанских элементов. Среди крестьянства на побережье преобладала испанская планировка посёлков и андалузский тип жилища, вместо традиционной индейской одежды (пончо, короткие штаны, рубаха и сандалии) люди носили фабричную и ремесленного производства. Употребление индейских языков считалось признаком отсталости, метисы пользовались диалектом испанского со значительной примесью кечуанской лексики. Индейцы стремились сохранить соседскую общину, но, уходя на работу в город, индеец старался выдавать себя за метиса для престижа. В горном районе (Сьерра) креольское население было крайне малочисленно, а основную массу администраторов, торговцев и ремесленников составляли более или менее зажиточные метисы, культурно или экономически свя-

---

³ Субкоманданте Маркос. Другая революция. – М., 2002 – С. 162.

занных с креолами. Соблюдение норм метисной культуры в деревне стало показанием высокого социального и экономического статуса. Поэтому метисы всячески подчёркивали свою обособленность от индейцев, пользовались испанским языком с ещё большей, чем на Косте, долей кечуанских или аймарских слов. Основной же массой населения Сьерры оставались индейцы (кечуа и аймара на юге).

Этнографы-латиноамериканисты для культурной идентификации употребляют так же термин «чоло», но он далеко не однозначен. Обычно чоло определяют как переходный элемент между индейцем и метисом. Как последний он владеет испанским языком, знаком с чтением и письмом и воспринял некоторые из метисных моделей поведения. По происхождению он индеец, но обладает сильной тенденцией к культурной метизации. Почти всё чоло двуязычны.

Некоторые исследователи полагают, что индейцами можно считать лишь тех, кто живет в общинах, так как именно они хранят в себе генетически закрепленные особенности своего культурного кода. Современная община представляет собой достаточно разнородный социум. Общинная аристократия, зная испанский язык, отличаясь более высоким образовательным уровнем, имея связи и деньги, в городах активно занимается коммерцией. Такую часть общины можно назвать термином, который ввёл американский социолог Э. Вольф, -- *cultural broker* («культурный посредник»), осуществляющий связь между общиной и городской субкультурой. Нередко в качестве культурных посредников выступают индейцы, уходившие в армию, на работы и приносящие в традиционную среду приобретённые знания.

Усиливается процесс миграции общинников в крупные города. Несмотря на стойкую недоброжелательность со стороны горожан, многие мигранты так или иначе обретают свою нишу. Лишь не многие поддерживают связь со своими общинами, остальные напротив, прилагают все усилия, чтобы вообще не выглядеть индейцами. Андская музыка, танцы, обычаи, которых они продолжают придерживаться служат своего рода убежищем на первых этапах адаптации к новым условиям. Инкское прошлое, о котором современные кечуа знают очень мало, почти ничего для них не значит.

Что касается демографических тенденций, то можно проследить увеличение коренного населения. Так, если в 40-е годы 20 в. всех индейцев насчитывалось 3 мил. (40% населения страны), то к началу 90-х годов численность кечуа приблизилась к 5,5 млн. человек, а аймара (колья) – к 600 тыс. человек. Сегодня численность коренных народов достигла 45%, метисы составляют 37%⁴. Большая часть кечуа проживают в департаментах Куско, Аякучо, Пуно, Апуримак, Уанкавелика, Хунин, Паско и Уанакочо, причём в некоторых (Пуно, Апуримак) на кечуа говорит до 80%-90%

---

⁴ Peru (04/05) – <http://www.state.gov>

жителей. Индейцы аймара в основном сосредоточены в департаментах Такна и Пуно, к северо-западу от оз. Титикака.

Итак, как было показано выше, транскulturализация в Перу идёт по пути «креолизации» коренного населения и усвоения индейцами европейских культурных установок. Но этот процесс усложняется и замедляется многими факторами: во-первых, это географическая удалённость и плохая связь между отдельными регионами страны (Коста, Сьерра, Монтанья или сельва); во-вторых, обособленность различных этнических групп и нежелание интеграции со стороны более высоких страт общества, тем более, что первостепенную роль здесь играет имущественный ценз и соображение престижности, а не реальное усвоение культурных, моральных и ментальных ценностей западной модели.

Немаловажную роль в культурной идентификации играет религиозная принадлежность. Хотя христианство глубоко проникло в религиозное сознание индейцев, пантеистический пласт оказался настолько живуч, что это дает возможность говорить о существовании двух параллельных религий – католической и народной. Исследователи отмечают языческие элементы в народных празднествах индейцев Боливии, Перу, Гватемалы, Мексики, сохранение старинных языческих ритуалов (причем даже у переселившихся в город), пантеистические мотивы в фольклоре. До сих пор живы представления о божественных прародителях того или иного племени, сохраняются тенденции селиться вблизи захоронений своих предков. Довольно значительная часть населения (и прежде всего общинное крестьянство) продолжает ощущать себя принадлежащей не столько к этому современному миру, сколько к разрушенному 500 лет назад, при всей его примитивности, жестокости, но все же продолжающему сохранять ностальгические очертания общественного бытия.

Большинство латиноамериканских индейцев не могут, не способны в силу целого ряда причин войти на равных правах в современную систему отношений, что порождает стремление отсоединиться. Как и другим народам, в культуре которых сильны архаичные элементы, индейцам присуще интуитивное понимание того, что растворение в возобладавшей сущностно чуждой им цивилизации может повлечь за собой этническую смерть. Результаты этнологических исследований показали, что пока европейское воздействие не внесло принципиальных изменений в социокультурные парадигмы большинства народов и этногрупп Латинской Америки. Проблема их интеграции – это проблема не только смены типов хозяйствования, но, может быть, и столкновения принципиально различных видов бытия. Сегодня, в эпоху глобализации, на фоне усиления межкультурных взаимодействий возрастает значение уникальных культур, которые указывают нам на множественность и вариативность общественного развития.

ЖЕНЩИНА-ПРЕЗИДЕНТ ЧИЛИ – МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Сегодня все большее внимание европейских и латиноамериканских политологов, историков и социологов привлекает Чили, страна с наиболее развитой на континенте демократией, внутренней стабильностью и высокой активностью социальных движений. Особенно интересен тот факт, что на прошедших в Чили в декабре 2005 года президентских выборах наибольший процент голосов получила кандидат от левоцентристской правящей коалиции «Объединение партий за демократию» экс-министр обороны Мишель Бачелет. Следует заметить, что избирательная система в Чили – одна из самых демократичных и совершенных. Так что уже через час другой после прекращения процесса голосования стали известны результаты, и что удивительно, не поступило никаких сомнений в их правдивости. Таким образом, Бачелет, набрав 45,95 % голосов избирателей, оставила далеко позади своих основных соперников – кандидатов от правых сил Себастьяна Пиньеру (25,41%) и Хоакина Лавина (23,22%)¹. Однако для победы в первом туре необходимо было набрать не менее 50% голосов. Так что, ответ на интересующий многих вопрос, удастся ли женщине впервые за всю историю Чили занять президентское кресло, мы узнаем 15 января. Впрочем, Мишель в своих силах уверена и считает, что победа во втором раунде за ней.

И надо сказать, что эта уверенность, выход на политическую арену и возможность реально влиять на политику государства – результат более чем полувековой непрерывной борьбы чилийских женщин за свои права и свободу. Следует отметить, что отставание женщин от мужчин в странах Латинской Америки по уровню представительства в руководстве политических партий, в органах законодательной и исполнительной власти на местном, региональном и национальном уровнях прослеживается на протяжении всей новой и новейшей истории. Ведь в большинстве государств континента женщины получили право участвовать во всеобщих парламентских выборах и избираться депутатами парламентов намного позднее, чем мужчины.

Не была исключением и Чили. В ее Конституции 1833 г. говорилось, что правом голоса наделены чилийцы (*los chilenos*), без различия пола, т.е. фактически не исключалась возможность участия женщин в политической жизни страны². Однако эта возможность не реализовывалась длительное время. И когда в 1875 г. группа наиболее активных женщин из Сан-Фелипе и Ла Серены изъявили желание участвовать в выборах президента, то им попросту запретили это сделать. Дабы впредь избежать проявления гражданской сознательности такого рода, власти издали но-

---

¹ Resumen Votación Nacional por Candidatos. Ministerio del Interior // www.elecciones.gov.cl

² Luis Vitale. Cronología Comentada del Movimiento de Mujeres en Chile.

вый Закон о выборах. 40 статья закона содержала положение о запрете участия женщин в голосовании.

Лишь через 100 лет после принятия конституционной нормы об избирательных правах, в 1934 г., чилийки получили право на участие в муниципальных выборах. Однако деление по половому признаку все таки осталось: женщины должны были голосовать отдельно от мужчин. Но вот что удивительно, этот своего рода атавизм от той эпохи сохранился по сей день! И пока ни одно из правительств за 70 лет не удосужилось модернизировать порядок записи избирателей. Вплоть до 50-х гг. XX в. женские организации не оказывали влияния на выработку соответствующей партийной политики и тем более на продвижение женщин на выборные должности. И, несмотря на некоторые успехи в преодолении гендерной асимметрии, еще на протяжении не одного десятилетия после получения женщинами права голоса традиционные крупнейшие партии страны на уровне руководства, вплоть до парламентских фракций, продолжали оставаться мужскими клубами.

В 1949 г. президент Г. Видела подписал закон, предоставивший большей части населения страны, а это 52 %, всю полноту политических прав. Первой женщиной-депутатом в парламенте от Радикальной партии стала Инес Энрикес, а через два года, в 1952 г., женщины впервые участвовали в президентских выборах. Этому событию предшествовала целая история развития женского движения. В отличие от стран Европы, где первая волна феминизма в конце XIX – начале XX века, основанная на борьбе за достижение юридического равноправия полов, не сопровождалась созданием самостоятельных женских политических партий и движений³, в Чили Гражданская женская партия (Partido Cívico Femenino) была создана в 1922 г. Печатное издание этой партии - журнал «Женское действие» тиражом в 10 000 экземпляров – популяризировал достижения феминизма, приводил данные о завоевании избирательных прав англичанками (1918 г.), немками (1919 г.) и американками (1920 г.). В 1924 г. была образована Демократическая женская партия (Partido Demócrata Femenino).

Важным событием стало создание в 1935 г. Движения за эмансипацию чилийских женщин (Movimiento Pro Emancipación de la Mujer Chilena, МЕМСН). К 1940 г. оно насчитывало 42 региональных комитета от Арики до Вальдивии. На многочисленных общественных собраниях, в публикациях газеты «Новая Женщина» МЕМСН выступало в защиту прав матери и ребенка, критиковало дискриминацию в трудовой сфере. Следует заметить, что в тот период оплачиваемая женская работа являлась временной и полулегальной. С середины XX в. поднялась вторая волна борьбы женщин уже не за юридическое, а фактическое равенство с мужчинами. Развитие феминизма на Западе, особенно в США, приобрело

---

³ Степанова Н.М. Опыт использования гендерных квот в странах Западной Европы / Н.М. Степанова // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4.

довольно массовый характер, оказав влияние и на страны Латинской Америки. Вопрос о необходимости полноправного участия женщин, как в партийных руководящих органах, так и во властных структурах находился в центре общественных дискуссий и в Чили.

Победа на выборах 4 сентября 1970 года кандидата от блока левых сил Народное единство Сальвадора Альенде, провозгласившего своей целью создание предпосылок для построения социалистического общества, знаменовала начало нового этапа все большего вовлечения женщин в различные сферы общественной жизни. Именно тогда в правительстве был организован Национальный Секретариат по делам женщин (*Secretaría Nacional de la Mujer*). Этот орган проводил в жизнь различные социальные программы. В рамках этих программ было создано более полумиллиона новых рабочих мест для женщин. Линия на расширение политических прав женщин была прервана военным переворотом 11 сентября 1973 года. Диктаторский режим Пиночета отменил законодательство, запретил или приостановил деятельность политических партий и женских организаций. Права, завоеванные женщинами, были утрачены.

Возрождение политического и социального движения пришлось на 70-е – 80-е годы XX в. В рядах оппозиции авторитарному режиму видное место занимали Объединение родственников жертв репрессий (*Agrupaciones de Familiares de Víctimas de la Represión*) и Объединение женщин-демократок (*Agrupación de Mujeres Demócratas*). Они состояли из жен и матерей узников, арестованных пиночетовской охранкой. Тогда же возникли такие организации как: Женщины Чили (*Mujeres de Chile, MUDECHI*), Движение женщин-поселенцев (*Movimiento de Mujeres Pobladoras, MOMURO*), и возобновил работу MEMCH'83. В 1983 г. создан Женский центр (*Centro de Estudios de la Mujer, CEM*), Дом женщин «Ла Мората» (*Casa de la Mujer La Morada*) и др.⁴. Важным признаком оживления структур гражданского общества стало открытие в 1984 г. в Чили филиала международной женской организации Исис⁵. Сюда же можно отнести и тот факт, что на Латиноамериканских феминистских съездах в Перу (1983 г.) и Бразилии (1985 г.) наиболее широко была представлена делегация чилийских женщин.

Процесс демократизации открыл новый этап эволюции женского движения. Победа на президентских выборах в 1989 г. кандидата от Объединения партий за демократию (*Concertación*) П. Эйльвина во многом была обусловлена участием женских организаций. Ни менее значим был их вклад в укрепление чилийской демократии и развитие гражданского общества. С начала 90-х гг. роль женских организаций отчетливо прослеживается не только на национальном уровне, но и на международном. Крупные конференции ООН, а также работа форумов неправительствен-

⁴ Carmen Torres. *Las chilenas que lucharon contra la dictadura*.

⁵ Основана в Италии в 1974 г. (*Isis Internacional*). Исис (греч.), в египетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, символ женственности.

ных организаций оказали сильное воздействие на деятельность женского движения не только в Чили, но и во всем мире.

В период с 1995 по 2003 гг. в 18 странах Латинской Америки был реализован проект «Индекс выполнения обязательств: стратегия гражданского контроля за гендерным равенством», базирующийся на официальных данных национальной и международной статистики⁶. Этот Индекс отразил степень реализации программ, принятых государствами латиноамериканского континента на Пекинской всемирной женской конференции, по трем стратегическим направлениям: участие в органах власти и доступ к власти; экономическая самостоятельность и бедность; здоровье женщин, сексуальные и репродуктивные права. Чтобы составить представление о месте Чили приведем данные следующей таблицы. Среди 18 исследуемых стран региона наибольший показатель именно у Чили – 75,2 %.

Напомним, что Статья III указанного проекта касается достижения гендерного равенства в вопросе участия женщин в органах власти. Стратегическая цель этого направления, установленная Пекинской платформой действий, состоит в принятии ряда мер по обеспечению женщинам доступа к структурам власти и участия в принятии решений наравне с мужчинами. Следует подчеркнуть, что по количеству женщин, возглавивших в 2000 г. различные министерства, вновь лидирует Чили – 31,5 % от общего числа должностей данного уровня.

Национальный опрос, проведенный женской ассоциацией «Ла Морада» в сентябре 2004 г. показал следующую картину: 16,5 % респонденток в возрасте от 18 лет считают, что на изменение положения женщин в Чили влияет правительство, 15,3 % - средства массовой информации, 14,6 % - феминистские организации, 9,1 % - церковь и только 3,9 % - политические партии. Большинство же опрошенных, 32,1 %, полагают, что каждая женщина сама вносит вклад в решение данной проблемы⁷.

Тем не менее, на первом туре всеобщих выборов 11 декабря 2005 г. вопрос о достойном лидере, способном консолидировать усилия, выразить общие интересы женского населения и способствовать их продвижению решился в пользу Мишель Бачелет. В чем же состоит ее преимущество перед кандидатами от правых сил Хоакином Лавином и Себастьяном Пиньерой? Почему исторически патриархальное чилийское общество готово доверить управление страной этой женщине? Для ответа на поставленные вопросы обратимся к фактам ее биографии и рассмотрим основные цели выдвигаемой программы.

Мишель Бачелет родилась в 1951 г. в Сантьяго. Мать троих детей. По профессии – хирург-педиатр, в середине 90-х гг. прошла обучение в

---

⁶ Teresa Valdés E., Ana María Muñoz B., Alina Donoso O. 1995-2003: ¿Han avanzado las mujeres? Índice de compromiso cumplido latinoamericano.

⁷ Encuesta nacional: percepciones políticas e implicaciones electorales de las mujeres inscritas en los registros electorales de cara a las elecciones 2004-2005.

Межамериканском Колледже Оборона в Вашингтоне (США). Помимо испанского и английского языков, свободно владеет немецким, французским и португальским, знает немного русский. Ее отец, генерал военно-воздушных сил Альберто Бачелет, во время правления Сальвадора Альенде возглавлял государственное учреждение по распределению продуктов питания. После переворота 11 сентября 1973 г. был арестован военной хунтой и обвинен в «предательстве родине». Погиб от пыток в стенах пиночетовских лагерей. Мишель вместе с матерью, проведя год в следственном изоляторе чилийской тайной полиции (ДИНА), были высланы из страны и обосновались в Восточной Германии. Лишь в 80-х гг. Бачелет вернулась на родину и активно включилась в борьбу за восстановление демократии. Возглавив медицинское направление в деятельности Организации по защите детства, она как врач-педиатр оказывала профессиональную помощь детям, чьи родители стали жертвами диктаторского режима.

С возрождением демократии в 1990 г. перед страной встала сложная и ответственная задача поднятия системы здравоохранения. За годы неустанной деятельности в таких медицинских организациях как Национальный комитет борьбы со СПИДом, Панамериканская и Международная организации здравоохранения и др. будущая кандидат в президенты накопила огромный опыт работы в данной сфере. Так что в 2000 г., когда президент Рикардо Лагос поставил ее во главе министерства здравоохранения, у Мишель появилась реальная возможность применить свои знания на практике, чем она вполне успешно занималась на протяжении последующих двух лет. Именно ее в 2002 г. Р. Лагос впервые за всю историю не только Чили, но и Латинской Америки, назначил на пост министра обороны. В это время особенно возросла популярность Мишель Бачелет в народе.

Вот как характеризует ее глава Министерства по проблемам женщин (SERNAM) Сесилия Перес: «Блестящая и прекрасная женщина во всех отношениях. Будучи весьма компетентной в сфере своей деятельности, она одновременно очень простая, настоящая. В должности министра здравоохранения Мишель всегда была близка к людям, всем хотелось поговорить с ней, поделиться своими проблемами. Пост министра обороны немного отдалил ее от народа. Но следует заметить, что во всех уголках страны чилийки отождествляют себя с ней, им нравится, что женщина занимает такой высокий пост в таком министерстве, им нравится, что в ее руках столько власти и что, одновременно, она, как и они, является хранительницей домашнего очага»⁸.

Итак, в сентябре 2004 г. коалиция «Объединение партий за демократию» утвердила кандидатуру Мишель Бачелет на участие в президентских выборах. Одним из главных пунктов ее программы выступает со-

---

⁸ Aprende de Michelle Bachelet y Soledad Alvear. Ministra Cecilia Pérez analiza a sus pares. EL SUR.

действие всестороннему развитию женщины и достижение подлинного равенства на рынке труда. «На данный момент в Чили только 38 % женщин обеспечены работой, в то время как в Уругвае и Бразилии этот показатель достигает 45 %, а в Европе – 70 %», - заявила Бачелет. Она считает необходимым расширить сеть дошкольных учреждений для детей в возрасте до 5 лет, что позволит матерям устроиться на работу и улучшить экономическую ситуацию в семье. Так что целью данной политики является не только установление равенства и справедливости, но и борьба с безработицей и бедностью.

Характерным дополнением к программе Мишель являются слова из ее автобиографического очерка, расположенного на официальном Интернет-сайте: «Я – чилийка, ни больше, ни меньше, чем каждый из вас. Я работаю, смотрю за домом и детьми. Но помимо этого, у меня есть призвание к борьбе и служению народу. Я хочу, чтобы наша страна всегда была процветающей и развитой, но также моя цель - построить демократию, основанную на равенстве возможностей для всех»⁹.

Однако восхождение к власти Мишель Бачелет встретило неоднозначную реакцию в рядах женского движения. Президентские выборы стали одной из самых дискуссионных тем Национального Съезда Феминисток, который состоялся в июне 2005 г. в Чили. Более 300 женщин со всех регионов страны, из разных социальных организаций и автономных сообществ, защитницы прав человека и деятельницы профсоюзного движения, крестьянки и индианки собрались под единым лозунгом борьбы с неолиберализмом. На тематических конференциях обсуждались такие вопросы как легализация аборт, насилие в семье, политические и организационные стратегии, глобализация, бедность и др. Мнения по поводу данной кандидатуры разделили участниц съезда на два неравносильных в количественном соотношении лагеря. Директор Национальной Ассоциации Сельских и Индейских Женщин (ANAMURI) Франсиска Родригес заявила, что в результате продолжительных дискуссий большинство собравшихся пришли к выводу, что Мишель Бачелет не выражает интересы женщин, а лишь продолжает линию действующего правительства. И хотя это правительство, по ее словам, характеризовалось самым большим во всей Латинской Америке представительством женщин в кабинете министров (31,5 % в 2000 г.) и сделало видимой их роль в политической жизни страны, оно вовсе не привнесло никаких перемен для самих женщин¹⁰. Звучали и более радикальные высказывания. В частности, Татьяна Рохас, секретарь профсоюза сексуальных меньшинств, призвала не поддерживать эту кандидатуру на выборах как ставленницу неолиберальной модели: «Маргарет Тэтчер и Кондолиза Райс тоже женщины, но это не оказало никакого содействия остальным женщинам мира. Биологическая принад-

---

⁹ Trazos de mi vida // www.michellebachelet.cl

¹⁰ Ivan Valdés. Encuentro Feminista 2005: Tres visiones, un gran proyecto: terminar con el neoliberalismo / I. Valdés. // El Siglo. 8/07/2005.

лежность к слабому полу не является гарантией проведения политики от лица женщин». Сторонницы же Бачелет говорили о том, что именно сейчас у женщин есть уникальная возможность выработать свою программу.

Таким образом, сложилась неоднозначная ситуация. С одной стороны, Мишель Бачелет - кандидат в президенты, имеющая шансы на победу, знаменует результат многолетней борьбы женщин за свои права. С другой – женское движение, не желающее поддерживать эту кандидатуру. По их мнению, такого рода инновация как женщина-президент содержит определенный риск. Избрание женщины президентом не всегда влечет за собой решение проблемы женского участия в политических структурах и обеспечения гендерного равенства. Другой риск состоит в том, что сама кандидат, придя к власти и желая минимизировать возможные столкновения из-за своей принадлежности к слабому полу, сформирует команду с преобладанием мужского состава, отодвинув на задний план существенную женскую поддержку¹¹.

Налицо разделение между женщинами, находящимися у власти, и женским движением как таковым. Обе стороны не желают признавать существование друг друга, а, следовательно, ни о каком их сотрудничестве и взаимодействии пока говорить не приходится. Дело в том, что как только государственные деятельницы занимают высокий пост и получают доступ к власти, они тут же отдаляются от остальной массы своих соотечественниц. Этот раскол в значительной мере усложняет борьбу за улучшение положения женского населения. Однако все преимущества и недостатки правления женщины-президента нам еще предстоит узнать, в том случае, если 15 января чилийцы подтвердят свой первоначальный выбор.

В заключение приведем слова действующего президента Чили Рикардо Лагоса, произнесенные по случаю празднования Международного женского дня 8 марта: «Здесь, на втором этаже дворца Ла Монеда, есть галерея, вдоль которой я прохожу каждый день, портретная галерея президентов Чили IX и XX вв. И каждый раз, когда я иду по ней, думаю, сколько же еще нужно времени, чтобы здесь появился и женский портрет?». На наш взгляд, такая перспектива реальна, учитывая опыт Панамы и Никарагуа.

---

¹¹ Candidaturas de mujeres: oportunidades y desafíos // CEM: Centro de Estudios de la Mujer. – marzo 2005.

Сведения об авторах

Аверина О.В. – аспирантка ИЛА РАН

Бородин Д.М. – аспирант исторического факультета ВГУ, кафедра социологии и политологии

Воротникова Т.А. – студентка 5 курса факультета философии и психологии ВГУ, научный руководитель - проф. д.п.н. А.А. Слинько

Кирчанов М.В. – к.и.н., преподаватель кафедры международных отношений и регионоведения ВГУ

Кривошапкин А.И. – старший преподаватель Воронежского филиала МГСУ

Сальников В.И. – к.и.н., Воронежский государственный университет

Лютых А.А. – д.и.н. профессор кафедры международных отношений и регионоведения факультета международных отношений, ВГУ

Слинько А.А. – д.п.н., профессор заведующий кафедрой международных отношений и регионоведения ВГУ

Тонких В.А. – д.и.н., профессор, Воронежский филиал Российского государственного торгово-экономического университета

Научное издание

Сборник статей, посвященный памяти С.И. Семенова.
Вып. 1.

СБОРНИК СТАТЕЙ

Оригинал-макет: М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
Воронеж, Московский проспект, 88

Тираж: 100